

Николай Зайцев

ЧЁРНЫЕ КОРОЛИ

— Убийца минотавров —

Николай Зайцев
Чёрные короли.
Убийца минотавров
Серия «Кровь Саама», книга 2

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50795907

Аннотация

Главный герой Иван Матвеевич Суздалев, став сайвугадче – проводником с мир духов и потеряв связь с реальностью, ухитряется скрыться от шамана и ведьмы в тайном потустороннем городе. Однако выхода оттуда нет. Теперь герой заключает сделку с титаном, который готов вернуть его к реальной жизни в обмен на выполнение сложного задания. Герою предстоит убить трёх чёрных королей, обитающих в разных мирах. При этом, отправляясь в каждый из миров, Иван Матвеевич всякий раз оказывается в новом теле и первым делом должен заботиться не о планировании покушения, но о собственном выживании. Как, например, быть, если ты в теле трёхлетнего ребёнка, родителей которого на его глазах убила неведомая тварь? Ведь прежде необходимо уцелеть и вырасти, чтобы потом выполнить поставленную задачу.

Содержание

Пролог	4
1.1	14
1.2	21
1.3	25
Часть первая	37
Глава 1	37
1.1	41
1.2	49
1.3	54
Глава 2	57
2.1	62
2.2	66
2.3	73
Глава 3	79
3.1	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Николай Зайцев

Черные короли.

Убийца минотавров

Пролог

– Я забыл сказать самое главное, – после долгого молчания мой голос прозвучал неестественно хрипло и глухо, так что пришлось прокашляться в самом начале, гоняя зловещее эхо в полутемном каменном мешке.

Не получилось торжественной речи, все съела мрачность момента. Куда делось ораторское искусство, которому специально учился? Меня передернуло, и большая мокрица замерла на влажном от подтеков камне, поймав движение тени, а потом стремительно юркнула в темную щель, где замазка потрескалась от времени особенно сильно. Слова дались с трудом, через силу, как и шаги по каменному неровному полу. Я ощущал вязкий барьер, доходивший мне до щиколоток, легкое покалывание кожи, озноб и не переставал думать, где мог порвать крепкие штаны из оленьей кожи. Ведь совсем новые, даже красные нитки на вышивке не успели выцвести, а они-то как раз и страдают в первую очередь, не выдерживая прямых лучей северного солнца и едкой грязи

тундры.

Новых прорех и дырок не увидел. Добротное изделие могло сохраниться внукам.

Я вздохнул, потому что это было не самое странное в происходящем, и с сомнением посмотрел на своего бывшего слугу и вестового.

– Да, барин? – насторожился старик, и я расплылся в довольной улыбке, не сумев справиться с эмоциями. Все-таки прав оказался. Кого хотели обмануть? Прохор называл меня «баринном» очень редко – когда находился в стадии волнения и испытывал ко мне чувства неприязни. Что ж, голубчики, попались.

– Я рад тебя видеть, Прохор.

Оба остановились, находясь под впечатлением от сказанного. Каждый ждал продолжения, а слова мои иссякли. Захлебнулись в зловещей тишине. Волнение нарастало. Лоб покрылся испариной. Я болезненно поморщился, не выдерживая больше молчания:

– Слово чести, рад, – при этих словах старик глупо заулыбался и, кажется, смахнул слезинку, – очень рад, – продолжил я играть на чувствах и закончил, рубя жестко, поджав вмиг побелевшие губы, – несмотря на то, что ты мертв!

Верный дядька отшатнулся от меня, словно от пощечины. Дрогнул телом, как неверная карта в колоде, готовая выпасть и дать проиграть, но в последний момент замирая, наслаждаясь эффектом. В глазах зарябило от наслоения картинок –

в какой-то момент Прохоров стало три десятка, и каждый замер в странной, но своеобразной позе. Потом наваждение быстро прошло. Цвета вокруг налились, усиливаясь. Каменная кладка под ногами завибрировала, упоенно набирая обороты. Мне снова пришлось остановиться, едва начав движение. Повернулся к слуге, скрещивая руки на груди, глянул высокомерно. Триумф и детский мат в два хода. С кем связались? Вот теперь я настоящий барин и граф, а ты, мнимый слуга, держи ответ и спуска тебе не будет!

– Да быть такого не может, Иван Матвеевич!

– Очень даже может, – кивнул я головой, скептически хмыкая и поражаясь его наивности. Мог бы что-нибудь и поубедительнее сказать. – Под Плевной ты, старик, остался. Навсегда. Гранатой разорвало. Видел я. Та граната мне предназначалась, да только ты спас меня, прикрыв снаряд телом. Так что нет тебя, друг мой сердечный. Мертвее, чем ты, не бывает.

– Иван Матвеевич! Родненький! Опомнись! Какая граната? Какая Плевна? Ты потрогай меня! Да убедись сам.

Я натянуто улыбнулся, скрывая эмоции.

– Вестимо, какая граната – шрапнелью начиненная. Неужто турок забыл и войну страшную?

– Отродясь не был на турецкий войне! Вот тебе крест! – старик хотел перекреститься, но передумал. Опасливо посмотрел по сторонам – никто не видел – и, успокоившись, продолжил:

– Лучше потрогай меня, да приди в себя!

Тело вмиг одеревенело. Не очень-то я любил трогать призраков, но другого не оставалось. Медленно прикоснулся к протянутой руке, под сильные кивки Прохора, и изменился в лице, не справившись с внутренним напором волнения.

– Вот видишь! – вскричал старик. Рука его была теплой и материальной. Я все еще не верил. Вытянул указательный палец и ткнул холопа сначала в грудь, потом в печень. Жестко и не жалея. Прохор ойкнул. Натурально. Белый волк рядом нетерпеливо заскулил, переминаясь с лапы на лапу. Блохи видно совсем заели, пока стоял. Посмотрел на зверя. «Тебе бы только бежать да есть!» – пронеслась мысль в голове.

– Вижу, – неохотно признал я. – Рад, видеть тебя, Прохор. Сказал уже и снова повторяюсь.

– И я рад, Иван Матвеевич! Очень рад! Пойдемте уже.

– Куда ты меня ведешь, старый? – спросил я в сердцах, начиная движение против своей воли. – Твои приглашения всегда заканчиваются одинаково: бедой и неприятностями.

Это я сказал потому, что злой оставался на старика горемычного – жалко до слез неупокоенную душу, жил-то праведно и в церковь ходил по воскресениям, и причащался. Только не помогло ничего. Представляю, как верному слуге осознавать происходящее. Мне же все едино, куда шагать, главное, чтоб сухо было и без ветра, но ответ поразил:

– Вестимо, куда – домой!

Я покачал головой: наглец и только, смешно.

– И что ты называешь «домом»? Имение под Воронежем? Особняк в столице? А может, мою офицерскую палатку или шаманскую вежу? Или дай угадаю! Больничную койку в Коле?

Старик сокрушенно покачал головой.

– Нет?! – деланно изумился я, а сам при таком известии облегченно выдохнул и тихо добавил: – и на том спасибо, – видит Бог, уж очень я не хотел на больничную койку. Воспоминания самые неприятные и гадкие.

– Нет, Иван Матвеевич.

– Да ты не печалься, Прохор, – подбодрил я старика, сжалившись над его годами, ведь старается-то как, а я измываюсь. Не хорошо. – Любому дому рад стану! – сказал, а сам покривил душой.

Странные факелы на стенах мигнули, чуя обман, и я, нахмурившись, посмотрел на них. «Эка невидаль. Где же огонь под стеклом? Куда скрыт?»

– Правда? – изумился старик, и глаза его блеснули слезой. – Правда будешь рад любому дому?

– Разумеется, Прохор. Не тяни только. Устал я с дороги: шаманы всю душу съели! – и, видя испуг слуги, поспешил добавить, – шучу. Немного оставили, – шутить я никогда не умел. Старик натянуто улыбнулся, кривя губы, поклонился в пояс и взмахнул рукой, говоря:

– Тогда пришли мы, барин! Вот он, дом ваш!

Рот мой сам собой приоткрылся – не такого ожидал.

Слишком быстро, а где утомительный поход? Каменная стена по правую руку стала пульсировать разными цветами, и в ней явственно высветился прямоугольник двери. Я недоверчиво посмотрел на Прохора. Тот радостно закивал, подтверждая мою догадку.

– Не имение под Воронежем, но...

– И не Париж, – пробормотал я.

– Но много лучше! – закончил мысль Прохор. Я вздохнул.

Потому что сильно сомневался, что вход в скале, ведущий в неизвестность, может быть много лучше апартаментов Парижа, и нисколько не ошибся, когда мы вошли в скромное обиталище.

Чем-то монашескую келью мне напомнило, однажды допрашивали в похожей комнатухе. Только темнее и практически без мебели, не считая двух открытых каменных гробов посередине небольшой комнаты. Они манили к себе. Так я в склепе, что ли? Вот почему жуть не проходит – кожа от страха и предчувствия неизбежного зла покрылась пупырышками. Да странные факелы еще потрескивают, мигают и создают тени колышущие. Такое кого хочешь может испугать.

Из гражданских.

Я-то военный, мне больше интересно, да и от рождения любознательный. Поэтому осторожно приблизился и посмотрел внутрь, ожидая увидеть истлевших хозяев. Не увидел. Без тайны последние одры оказались. Поразили своей глубиной.

– Гробы? – недоверчиво спросил я у Прохора, с трудом отрываясь от созерцания таинственной пустоты. Старик отмахнулся, деланно покривился:

– Да нет, барин. Ложа это. Кровати, то есть наши.

– Кровати? – усомнился я еще больше. – Похоже на гробы без крышек.

– Кровати и есть!

– Без перины? – на всякий случай спросил я, хотя видел очевидную крайность, но надеялся – вдруг принесут.

– Никакой перины! В них мягко!

Я потрогал каменную стенку почти черной ванны и с сомнением посмотрел на Прохора. Старик пожал плечами. Под пальцами стенка стала нагреваться, покрываясь красными рунами, цвет насыщался – палочки срастались в крестики, те в снежинки, появилась какая-то древняя надпись, а может, просто красивый рисунок. Только больно странный – ровный, как кант или вышивка на старинной рубахе. Вот чую сердцем – к староверам занесло – тайное логово или скрытый монастырь. Сейчас появятся и начнут заставлять креститься двумя перстами, с них станется. Я отдернул руку, а потом снова нерешительно дотронулся до гроба. Ложе манило к себе, обещая невысказанные блага и комфорт. Я прямо чувствовал связь между нами.

– Хочешь, приляг, барин, не бойся!

Хотел ли я? Желал каждой клеточкой! Так тянуло, что сил не было сопротивляться. Голос старика подтолкнул к

действию. Наклонился вперед, но нашел потаенные силы от разума иррационального, переселил себя и даже отшагнул от ложа на несколько шагов назад. Связь исчезла, а Прохор грустно вздохнул. Присел на край своего гроба.

– Ноги болят, – пояснил он и улыбнулся как-то виновато, – я же старый.

«И мертвый», – хотел добавить я, но передумал. Тоже сел на край своего гроба. Волк походил кругами, к чему-то приносясь, потом, не раздумывая, прыгнул в мое ложе, сворачиваясь калачиком. Я покосился на него. Животное зевнуло и прикрыло глаза. Ничего с ним не случилось.

– Поесть бы, – сказал я Прохору, – и попить.

– Это можно, – легко согласился старик, наклоняясь внутрь своей кровати и, извлекая объемистый сверток и флягу. – Не побрезгуйте, барин. Оленина свежая и теплый коньяк!

– Теплый коньяк? – спросил я, поднимая бровь и, принимая еду. Развернул сверток. Оленина действительно оказалась свежей. Даже шкуру не сняли. От куска мяса поднимался пар. Лицо мое окаменело.

– Тогда, может, отвара брусничного? – натянуто улыбнулся Прохор и вдруг резко ударил меня ногой в грудь. Я упал в ложе, больно ударившись головой о каменный борт, и сразу принялся барахтаться, желая вылезти и наказать наглеца. Вспышка гнева и ярости быстро сменилась удушливой паникой – в тесном гробу не вздохнуть лишний раз. Старик,

злобно хрипя, навалился на меня, проявив удивительную силу и ловкость для своего возраста, прижимая ко дну, а верный волк, очнувшись, лег на ноги, как ни в чем не бывало, позевывая со сна. Вот ведь предатель! Глаза даже не открыл полностью. Никогда нельзя верить диким животным, потому что приучить их до конца не получается. Сопротивление мое ослабло, исчезая совсем. Победили меня верные друзья, уничтожая на корню веру в светлое и доброе. Справились, воспользовавшись минутой истощенности духа и тела.

Ванна стала заполняться желтой водой, которая быстро густела.

– Прости, Иван Матвеевич, прости, – бормотал Прохор, горько плача. Руки же, мерзавец, с груди не убирал, продолжая держать крепко и топить. Если и наступила моя минута последняя, то сейчас!

Я стал сильно дергаться из последних сил, желая выбраться, но теперь и вязкое вещество меня удерживало.

Не везет. Крепко увяз. Поймали, черти. Лежать мне в каменном гробу и тлеть столетиями.

– Прохор, – прошептал я, смиряясь, и укоризненно покачал головой. Морщины на лице разгладились. Злость и обида исчезла. Старик, видя лицо святого мученика, заплакал сильнее. – Ох, Прохор.

– Так надо, барин! Прости.

– Прохор! – булькал я, чувствуя, как жидкость поднимается все выше и выше, топя брэнное, измученное походами,

тело. Старик вытащил руки и с сочувствием смотрел на меня. Я поднял подбородок, а потом и затаил дыхание. Холодец меня заливал быстро и через несколько мгновений, после легкого повизгивания волка – преданная псина осталась лежать на ногах – лицо старика стало блекнуть.

Глаза я так и не успел закрыть.

1.1

Поэтому, когда в них исчезла рябь и появилась резкость, увидел прямо перед собой массивный стол титана. Страж читал. Длинные седые волосы уложены под стальной обруч. Сосредоточен. Важен. В одеждах своих белых и чистых вылитый святой.

Я дернулся, но не тут-то было: остался без движений. Смог только глаза скосить: сидел на табурете, как каменная статуэтка, даже руки к коленям приросли. Этаким гимназист начальных классов перед классным руководителем. Розг не хватает. Кашлянул, выталкивая из себя тягучую жидкость – по вкусу та, что заливала, задышал, и спросил:

– Вы, сударь, когда-нибудь горячий коньяк пили? К фляге не притронуться было.

– Очнулся, букашка? – старец сощурил глаза, фокусируя взгляд. – Нет. Не пил.

– Я так и понял!

Страж пожал огромным плечом.

– Выудил воспоминание у тебя из мозга. Видно, не очень удачное.

– Не очень, – согласился я. – И прекрати мучить Прохора – светлая память человеку, хороший слуга был, теперь таких мужиков нет.

Страж задумчиво поскреб подбородок и вопросительно

посмотрел на меня, мол, не проси даже. Я вздохнул.

– И зачем это все? – скосил глаза, как мог, на свое окаменевшее тело.

– Прости. Не мог рисковать. От тебя опасность исходит.

– В самом деле?

– Сильная власть сосредоточена в руках твоих – нож Душ. Не могу я доверять такому, как ты, пойми. Ты же... – старик задумался, подбирая слово, пощелкал пальцами, потом выдохнул, – нестабилен.

– Понимаю, – я кивнул головой. – Чего ж не понять. Только я свою часть договора выполнил.

Снова задумался важный старец. Замолчал на этот раз надолго.

– Конечно, – осторожно начал он, – в твоих словах есть доля правды.

– Какая доля? – нахмурился я в ответ, – истинная, полная правда, сударь, шаманы ваши за дверью остались и в город не вошли, или вы, любезный, хотите меня в чем-то обвинить? Разве не так было?! – я предостерегающе сощурился. Свою честь я берег и словами не разбрасывался. Титаном меня в таких обвинениях не испугаешь. Подумаешь, в восемь раз больше.

– Вот видишь, – страж махнул рукой, словно мысли мои прочитал. «Да что мне с этого? Я домой хочу! Меня невеста ждет». – Нестабилен! – прозвучало, как приговор.

– Значит, дома мне видать? – вздохнул я. – Обманул меня,

выходит, старый. Думаешь, с рук тебе сойдет?

– Может и не сойдет, – пожал плечом титан и недобро так улыбнулся: щеки, собираясь в морщины, казалось, поползли вверх, оголяя большие зубы. – Да только что ты мне делаешь, лежа в ванне анабиозной? Тебя же здесь, в комнате, нет. Ты хоть это понял? Сейчас саркофаг закроем и укатаем в стену лет на тысячу.

– А ты можешь? – не поверил я, скептически хмыкнув.

– Могу, – коротко отозвался страж и замолчал, снова продолжив читать, теряя ко мне интерес, а я поверил сразу. Потому что правда – она такая: горькая и краткая. Без прикрас. Как саблей по голове – ты вроде еще жив, а уже нет.

Правда мне не понравилась. Не по-людски как-то. Спесь моя сразу прошла.

– Мне на тысячу лет никак нельзя, – замотал я головой, – меня же Оленька ждет. Я ей слово чести дал: жениться обещал.

Старик оторвался от книги и смотрел на меня, подняв бровь, мол, продолжайте, господин полковник из России или как там ее, страны новой и варварской. Я чувствовал, как он надо мной насмехается, но ничего поделать не мог, когда дело касалось женщины и клятв, дело принимало серьезный оборот.

– Так скажите мне вину мою, сударь. Да покончим с этим. Почему я дело выполнил не до конца и теперь, я так понимаю, вы отказываетесь помочь мне добраться до дома. Я же

из этих катакомб никогда в жизни не выйду!

– Не выйдешь, – согласился святой старец и добавил грозно, качнувшись вперед ко мне, так, что слова зазвучали колокольным набатом. – Потому что выхода нет.

Я поник головой, словно прямой удар словил. Скверно. Хоть пулю в висок. Так ведь и умереть благородно не дадут. Титаны же! У них и кровати каменные.

– Ты что должен был сделать?

– Не «тыкай»! Я – георгиевский кавалер, граф Суздалев, полковник русской армии, – губы мои сами собой сжались в узкую щель. Довел все-таки. Вот-вот контроль над ситуацией потеряю. Скверно.

– Знать бы еще, что это такое и какую значимость имеют твои слова.

– Уж, поверьте мне, сударь, это значимые слова и имеющие вес.

– Хорошо, – вздохнул старец и неожиданно вывернул ладони перед собой странным образом. Фокусник, да и только. Между руками появился искрящийся шар, вот он тронулся черточками, дугами ровными, словно арбуз, и наполнился материками. Красиво. Достойное волшебство даже для парижских зрителей.

Старец закрутил шар в руках, улыбнулся, видя мой интерес.

– Смотри. Это земной шар.

– Какой шар? – восторженно спросил я.

– Земной.

– А Боженька где? – вытянул я шею, глядя пристальнее на материки. Титан вздохнул:

– Вы, господин любезный, еще бы спросили, почему она не плоская, а круглая.

– А, кстати, почему? – нахмурился я и, видя, как страж закипает, довольно расхохотался. – Ах, сударь, оставьте эти разговоры для Прохора. Мы давно ходим по меридианам и пересекаем экватор. Так чем вы хотели меня заинтересовать?

– Тогда вы знаете, что такое Африка или Австралия.

– Вы меня за идиота держите? Знаю.

– Отлично. Тогда вы должны понять мысль: предположим, передо мной сидит негр и твердит постоянно, что он полковник Конго или Зимбабве и кавалер ордена чего-то бриллиантового, обозначая свою нелепую значимость. И как я к нему должен отнестись? Если для меня это – пустой звук?

– Конго? – нахмурился я. – Зимбабве? Полковник? В Африке? – я хотел рассказать про копья и голые тела, но замолчал, видя его реакцию.

Титан хлопнул в ладоши, и шар погас. Усиленно потер себе лоб, соображая, как еще можно до меня достучаться. Закрыв лицо руками. Вздохнул:

– Смысл в том, что есть только Город и есть Страж. Это величина постоянная. Все остальные сравнения меркнут.

– Очень самоуверенно, – я хмыкнул и искренне улыбнулся.

ся, – мне кажется, что георгиевский кавалер он и в Африке останется георгиевским кавалером. И, кстати, полковник полковнику рознь. Знавал одного из интендантской службы, тот был еще мерзавец, пока я его не убил.

– Хорошо. Должен сказать вам, что не хотел бы ошибиться, и надеюсь, что сделал правильный выбор, остановившись на вашей кандидатуре. Но пока разоведем тему убийства, может и разговора у нас дальнейшего не получится. Так что вы граф Суздаев должны были сделать?

Я потемнел лицом. «Вот ведь подлец, напрашивается. Издевается и не скрывает этого. Чего-то хочет от меня». Именно эта мысль, подогрела мой интерес к беседе, и я продолжил:

– Они же не вошли в город!

– А убивать я их должен был, что ли? – изумился старик.

– Да хоть бы и так! Она же понесла от меня, а я ее убить?

Да что с вами, сударь?

Страж развел руки в стороны и чуть не дотянулся до меня. Я оценил. Дистанцию надо будет рвать, если что. Такой дотянется и победит моментально.

– Нестабилен, – сказал, давая мне финальную оценку.

– Еще как стабилен. Кремень!

– Тоже мне, нашел сравнение, – фыркнул титан, скрестив руки на груди.

– И что? Сделать ничего нельзя? Я бы поправил ситуацию, но только без убийств стариков и беременных женщин. Я не

могу. Это не по чести.

– Да понял я. Что же мне делать с тобой, голубчик? – спросил сам себя титан и задумался.

1.2

Я с надеждой посмотрел на него.

– Ты воин и солдат? – задумчиво спросил титан, скорее сам себя. Я чуть наклонился вперед, затаив дыхание, но на всякий случай спросил, чуть прищулив правый глаз:

– Про полковника и георгиевского кавалера я говорил?

Старец поморщился. Я сразу выпрямился, насколько позволяла заоченелость позы и продолжил:

– Если что, у меня еще двенадцать орденов. Четыре, правда, иностранных, – с досадой признался я. – И чин у меня по седьмому классу обербергмейстер, что соответствует таблице о рангах званию полковника, а на самом деле службу я закончил в звании майора. Мог бы и в армии дальше оставаться, но старая рана не дала возможности продолжить службу. Ушел в министерство, а там карьеру быстро сделал. Природная живость ума помогла, врожденная любознательность, да папенька невесты моей, княгини Ольги – уважаемый всеми человек, не последний в империи.

– Я понял, – старец поспешно кивнул головой. – Понял!

– Так что да, я – боевой офицер. Могу помочь выработать стратегический план, – кинул я в беседу последний козырь. – Победа обеспечена.

Замолчали. Титан размышлял, затягивал паузу. Рассматривал меня, склонив голову. Я же смотрел прямо перед со-

бой, не мигая и не двигаясь, потому что иначе не мог – окаменелость не позволяла.

– План у меня есть, – наконец сказал старец. – А вот исполнителя – нет. Думаю, справишься ли ты? Не уверен. Боязно мне. Ты же нестабилен.

– А награда та, что я думаю? – затаив дыхание спросил я. Вот он – момент истины. Старец кивнул.

– Да. Ты будешь первым, кто выйдет из города, не войдя в него.

– Оленька ждет! Я справлюсь! Давайте уже начнем – времени нет.

Титан позволил себе улыбнуться.

– Ты забыл? Есть только Город и Страж, все остальное субъективно. Время нам не важно, как захотим, так и повернем.

– Не понял? – опешил я.

– Я и не сомневался, что не поймешь, – вздохнул старец, – говорю – к Оленьке своей вернешься вовремя, как надо. Не заметит она вообще ничего.

– Шутите, что ли, сударь? Так не уместно.

– Отнюдь. Нисколько не шучу. Вы мне оказываете услугу, а я вас к невесте вашей доставляю в любой приятный для вас момент. Как вы там говорите? Слово чести!

Теперь уж я задумался – слово чести – это не пустой звук, так просто разбрасываться не будешь, но что за услугу просят у меня? Вывел меня из оцепенения вкрадчивый голос

стража:

– Милейший друг, насколько легко вы можете убивать?

– Да очень легко, – отмахнулся я от назойливого старца, мешающего мне думать, – один раз капитана застрелил за то, что неправильно посмотрел на его жену.

– Как это?! – прогрохотал титан.

– Обычное дело! На балу! Думал, дама одна, без кавалера. Обменялись с ней любезностями и улыбками. Все пристойно! Почти. И тут этот капитан как выскочит! И сразу к барьеру! – Я вздохнул. – Застрелил, голубчика.

– А что дама?

– Какая дама?

– Та самая!

– Вдовой стала, – я вздохнул, – а вдовы мне неинтересны.

Такая история.

– Варвары, – прошептал старец и прикрыл глаза. Впрочем, тут же открыл их и с интересом посмотрел на меня. По-другому как-то, оценивающе. Я подмигнул ему:

– Так что там за дело? Что за услугу вам нужно оказать?

В чем план?

– Да... – начал было титан, но я его перебил.

– Стойте, сударь! Помните, что вы дали мне слово чести?

– Помню, конечно.

Я удовлетворенно кивнул:

– Теперь продолжайте.

– Хорошо, – старец повел руками вдоль стола. – Дело бу-

дет у тебя простое. Надо убить трех королей, – при этих словах я перестал дышать. Над столом появились три головы. Сначала они напоминали пустой земной шар, затем стали объемными и в красках. Настоящими. Две в коронах. У первого, молодого, совсем простая корона, так, обруч с заостренными пиками. У второго, старика, наоборот, корона отделана камнями и видно, что тяжела – хмурится постоянно, видно, ноша жмет. У последнего короны не было. И выглядел он не как король, больше похож на поручика-гвардейца. Такие типы, кстати, опаснее всего.

Я вздохнул:

– А нет ли другого задания?

– Нет.

– И в чем их вина?

– Долгий разговор, – вздохнул титан.

– Так вроде время для вас субъективно и значения не имеет? Рассказывайте, сударь.

– Наверное, вы правы, – вздохнул старец и легким взмахом толкнул мой табурет к столу.

1.3

Фокус сей просто разгадывался. На самом деле табурет Прохор толкал. Иначе быть не могло. Мы же не в аду, где чертовщина необъяснимая на каждом шагу творится. Жаль, я обернуться не мог и не имел возможности подшутить над скрюченным от усердия мертвым слугой. Честно? Волновался за старого, но сразу о нем позабыл, как только у стола оказался.

Головы эти страшные парили и смотрели на меня, периодически подмигивая. Такая картина на кого хочешь жуть и ужас может навести. Признаться, впал я в ступор, и даже не сразу заметил, что старец увлечен, делая ландшафт на поверхности, манипулируя руками.

– Горы? – заинтересовано, спросил я, увидев знакомые очертания. Страж не ответил, лишь кратко кивнул огромной головой. Были здесь и долины, и реки с озерами, города красивые. Все уменьшалось в размерах, как только появлялось. Карта под руками титана росла, превращаясь в неизвестный материк.

Наконец, он сел, устало откинувшись на высокую резную спинку своего стула. Спросил:

- Что ты видишь?
- Материк.
- Какой?

Я бы пожал плечом, только не мог.

– Не знаю, – признался честно, попробовал угадать, – выдуманный?

– Это жизнь твоя выдуманная, – обиделся старец. – Смотри и любуйся. Редко делаю – сердце болеть начинает, да глаза потом пару недель слезятся.

– От чего?

– От тоски.

Я задумался и осторожно предположил:

– Может, все-таки от старости? Вам бы к доктору хорошему.

– Я сам себе доктор! – сказал как отрезал старец и нахмурился. Видно, что засомневался во мне. Я поспешил изменить тему:

– Так что за материк?

– Гиперборея.

– Не слышал, – сухо признался я. – И ни на одной карте не видел.

– Конечно, не видел, – разозлился страж, – потому что нет его больше. Один город и остался, со Стражем вечным! И то под землей!

– Да вы, сударь, не волнуйтесь – нельзя в вашем в возрасте. Чего расстраиваться? Ну материк был, ну Гиперпипер ваш – все объяснимо – катаклизмы. Ничего вечного нет.

Старик уставился на меня, не сводя взгляда. Я поежился. Попытался сжаться – не получилось.

– Расстраиваюсь почему? Потому что центра земли больше нет. Целостности мира нет, понимаешь, как картина материков изменилась, как жизнь нарушилась? И не Гиперпи-пер, а Гиперборея! Вечного, говоришь, нет ничего?! А как же город Титанов? Стоит тысячи лет, и я вход охраняю! Только братья не возвращаются!

Тут я должен был задать вопрос: «Почему не возвращаются?», так и вертелось на языке, но вместо этого спросил:

– А Россия? Чем вам не центр мира?

Старец аж поперхнулся. Выпустил воздух, обмяк в кресле. Вздохнул, глядя устало на меня:

– Может, лучше тогда Конго?

Я замотал головой:

– Никак нельзя! Там же дикари!

Старец развел руки в стороны:

– Вот и сам ответил на свой вопрос.

Я немного обиделся. Хотел выстрелить, да вспомнил, что без оружия. Посуровел.

– И чем же ваша Гиперборея лучше нашей России?

Старец закашлялся, глаза заслезились, потом снова посмотрел на меня. Больше он не злился. Улыбался. А я раздражался с каждой секундой, чувствовал, что начинаю багроветь.

– Да хотя бы технологиями.

– Да у нас азбука Морзе есть, телеграф, пушки скорострельные, под воду стали спускаться. У нас империя!

– А мы в космос летали.

Я хотел и дальше перечислять, но закрыл открытый рот. Помолчал, осмысливая. Потом спросил осторожно:

– Это к Боженке, что ли?

Титан внимательно посмотрел на меня, удостоверился, что я кристально искренне спрашиваю, и ответил:

– Дальше.

Тут уж я задумался по-настоящему, потому что не представлял масштабы. Пауза затягивалась. Старец заерзал в своем кресле. Тогда я спросил:

– И почему Титаны не возвращаются в свой город? И не возродят свой центр земли?

– Хотел бы я знать, – вздохнул старец.

– Хочешь с моей помощью узнать, почему они не возвращаются? – догадался я. Как все просто оказывается!

– Нет, – последний титан закачал головой. – Мне нужны услуги убийцы. Твои миссии будут проще.

– Но как?! – не удержался я от вскрика.

– Да что ты такой непонятливый! Убей трех королей!

Теперь я смотрел на головы перед собой, и они больше мне не подмигивали. Самый молодой нахмурился, поджал губы и напоминал меня перед контраatakой. Старик в богатой короне осуждающе мотал головой, хотя я еще и не совершил толком ничего. Последний улыбался высокомерно и как-то снисходительно. Мне он сразу не понравился больше всех. Не будь он королем, сбил бы с него спесь в два счета.

– Вы хоть сами понимаете, о чем меня просите? Какое задание мне поручаете?

– Понимаю!

– Это невозможно ни теоретически, ни практически. Я еще понимаю, убить одного короля! Но трех! Помилуйте, сударь, в своем ли вы уме?! Мне может повезти один раз, и я уползу от охраны после удачного выстрела. Но три раза подряд? Не представляю. И, кстати, что это за короли? Вот этот на румынского батюшку похож, но я могу ошибаться. Не видел таких первых лиц никогда.

– Что такое Румыния? – грозно спросил старец.

– Страна, – безнадежно вздохнул я, потупив глаза. Странно, конечно, про Конго знает, а про Россию и Румынию – нет. Опять насмехается? Или Конго – оно навсегда, в каком бы мире ни существовало? Тогда печально.

– Страна, – покачал головой страж. – Если бы причина крылась в какой-нибудь стране, стал бы я с вами разговаривать.

– А в чем тогда?

– Во времени. В прошлом и будущем.

– Вы серьезно?

– Серьезнее не бывает.

«Безнадежно», – сказал я сам себе. Еще, может, румынского короля и подстрелил бы, а во времени будущем и прошлом я Стражу не помощник. Тут ему скорее доктор поможет, и не один.

Поняв по-своему мой ответ, безумный старец воскликнул:

– А вот тут вы ошибаетесь, голубчик, – последнее слово странно прозвучало из уст пятиметрового титана, и я не удержался и перевел взгляд с голов на старца.

– Правда?

– Истинная правда! – заверил меня страж. – Ты не представляешь, на что я способен и насколько могу управлять временем. Есть только Город и Страж, человек! И глазом не успеешь моргнуть, а так сильно увязнешь во времени, что не сможешь понять, где правда, а где вымысел и что настоящее, а что осталось здесь в анабиозной ванне. Не пугает такое?

– Нет. В последнее время я только так и живу: не зная, что правда, а что вымысел. О какой ванне вы все время говорите? Не намекаете ли вы, сударь, что я год толком не мылся?

– Что вы, сударь, я ни в коем случае вас не хотел обидеть. Про ванну вы поймете после.

– Надеюсь, – многозначительно протянул я, стараясь пока понять, насмехается в очередной раз надо мной титан или нет, и не забыть обиды, чтобы, когда время наступит, припомнить все до мелочей. «Наверное, анабиозная – это вид морской соли в ванне, вот и твердит постоянно», – решил я и продолжил:

– А понимаете ли вы, сударь, что к королям не так-то просто приблизится? Это и хлопотное, и расходное дело, если

надо подкупать охрану, – снова начал гнуть свою линию я, пытаюсь достучаться до разума или хотя бы поймать на обмане.

Страж радостно заулыбался:

– Поверь мне, у тебя всегда будут случай и возможность убить короля. Любого из них.

– Интересно, – протянул я, пропуская мимо ушей переход на «ты». – Очень интересно. А почему? – живо спросил я, пытаюсь неожиданным вопросом застать врасплах старца.

Страж скривился, словно у него заболели зубы.

– Потому что каждый из них в свое время своими деяниями приблизил момент развала центра мира. Потому что благодаря им у титанов остался на земле только один город и тот потаенный, скрытый от всех под землей. Потому что только выполнив это задание, ты окажешься в объятиях своей невесты, – покривился титан. – Разве этого мало?

– И никак иначе? – спросил я, переводя взгляд на хмурые лица королей.

– Никак, – развел руки в стороны старец. Потом он зашептал, видя, как я изучаю королей. – Поверь мне, они все плохие. Ты только посмотри на эти уродливые лица! Коварные интриганы, такие ни перед чем не остановятся, – последнего я бы и так убил – на дуэль вызвал бы точно, в королевских глазах до сих пор смешинки. – Жулики! Да они не по локоть в крови, по шею! Благодаря им мир развалился, превращаясь в хаос. Материк исчез! Да ты подумай и пойми, что произо-

шло! – вскричал старец. Видно, больная тема. Сам завелся. Гневом так и брызжет.

– Какой хаос? У нас империя! – восторженно я, вспоминая матушку Россию.

– Без космоса?

Я примолк, а старец продолжал:

– Сейчас бы летал к своей Боженьке, а то и дальше. Махал бы рукой, пролетая. А нет ничего! Пустота. Гипербореи – нет. Мира – нет. Смысла в существовании – нет. Город без титанов! И кто виноват?

– Кто? – эхом отозвался я.

– Три короля, – вздохнув, сказал старец, – ибо черные они. Деяния у них черные.

Мы оба вздохнули, синхронно и одновременно. Мы дышали в такт. Мы жили в одно время и одной идеей. Быстро же наступило единение.

Странно.

Я восторженно, снимая с себя оцепенение.

– Убей их, – прошептал старец. – Убей и изменишь мир. Верни целостность. Верни титанов!

– Но как?! – я все еще не понимал.

– Ты будешь перемещен во времени и пространстве, чтобы выполнить несложное задание. Сделай то, о чем тебя просят, и помоги титанам обрести себя, а миру сохранить целостность. Окажи мне личную услугу и забери свою награду. Помни, время – непостоянно, а Город Титанов и Страж – это

навсегда.

– Но почему ты сам не можешь выполнить несложное задание?

– Потому что я – Страж! На кого я оставлю Город? – взорвался старец. Я смешался на миг, испугавшись такой вспышки гнева. – Букашка, это же просто! Это быстро! Глазом не успеешь моргнуть, а уже окажешься в объятиях верной невесты. Сударь, как же она ждет вас. Как тоскует! Выбери первого короля! Убей! Сделаешь, вернешься в мгновение ока. Очнешься снова здесь. Отдохнешь день или, может, даже два, и снова соверши подвиг. Ты можешь совершать подвиги? Ты же герой?

– Могу, – подумав, ответил я и добавил. – На счет героя не уверен.

– Тогда убей трех королей и вернись к невесте.

– Но мир же изменится? – неуверенно спросил я. – Может, и невесты моей не будет?

Старец заулыбался.

– Я надеюсь, что мир изменится. Теоретически ты прав, а практики до этого не было ни у кого. Так что домыслы мои не имеют основания. Однако я хочу рискнуть и заключить сделку с человеком. Ты же...

– Непостоянный, – подсказал я и покривился.

– Скорее, неординарный и необычный. Весьма перспективный молодой человек, который станет первопроходцем.

– В министерстве тоже так говорили, и где я сейчас? Си-

жу разговариваю с титаном, узнает кто – стыдоба, да и только. Слушай, старик-страж, а вдруг я с Оленькой больше не увижусь?

– Не для тебя и твоей невесты произойдут изменения. Воссоединитесь наконец. Сдержи слово чести данное женщине!

Признаться, я сильно задумался и не торопился с ответом. Душу охватило беспокойство. «Как это переместиться во времени? Что за колдовство такое? Шаманство? А душу я не продам при этом? Попахивает анафемой и отлучением от церкви. Тут до Кандалакши хотел доехать, всего-то триста верст, так, кажется, инвалидом остался навсегда. Боюсь представить, что станет со мной, когда начну бегать по времени. И что такое пространство? Воздух что ли? Чем измеряется? Что за величина? Надо бы спросить, да неудобно. Подумает, что неуч. Говорила маменька: доучись на курсах при Генеральном штабе, генералом может, и не станешь, но в жизни может пригодиться. Зря бросил! Мать как в воду глядела. Как это изменить мир? Разве я смогу?»

Убийство королей, по сравнению с этими вопросами, теперь казалось банальной ситуацией.

Меня также не покидало чувство обмана. Играл я в покер, знал приемы и иногда умел чувствовать исходящий от других обман.

Старец, честно и не моргая, смотрел на меня.

– А помощь будет у меня какая-нибудь? – спросил я.

– Помощь? – неуверенно переспросил титан, ожидая видимо других вопросов, – ситуации будут развиваться так, что в конечном итоге король будет досягаем для тебя. Разве это не помощь?

– А еще? – протянул я. – Можно я Прохора с собой возьму и винтовку?

Титан быстро замотал головой:

– Винтовку нельзя! – испуганно сказал он.

– Так и знал, – в сердцах воскликнул я. – А Прохора?

Старец задумался.

– Давай так, – сказал он, принимая решение, – у тебя есть Прохор и волк. У тебя будет три ситуации с королями. В какой-то момент ты сможешь выбрать либо волка, либо Прохора. Ты сам примешь решение, кто тебе больше нужен. Почувствуешь. Проникнешься моментом. И как только примешь решение, то обретишь спутника. В другой ситуации того, кто останется после первого выбора. Справедливо же? Был Прохор, станет волк или наоборот. Ну, а в третьем случае сопровождать тебя станут и волк, и Прохор.

– Что? Правда? – обрадовался я.

– Истинная, правда.

– Тогда я согласен!

– Наконец-то!!! Выбирай короля.

– Я могу встать? – как бы невзначай спросил я. – Сними путы.

– Нет, – покачал головой титан. Я кивнул. Боится, значит,

уважает. Я бы точно не упустил такой возможности. Я же нестабилен, сам говорил. Посмотрел на головы королей. Захотелось сразу расправиться с наглецом, с тем, что высокомерно улыбался. Я очень долго смотрел на него под вздыхания старца. Нет. Оставлю веселого наглеца на десерт. Важного короля тоже пропустил. Такой может оказаться крепким орешком. Вдруг за ним окажется империя, и не одна? Мне показалось, что вельможа даже шикнул, обидевшись.

Молодой король смотрел на меня жестко и сурово. Золотой пик на его скромной короне тускло поблескивал.

– Он, – пробормотал я и добавил уверенно: – Если начинать, то с него.

– Убийца минотавров. Славный выбор! Тогда начнем! Немедленно.

Я не разделил его радости и осторожно спросил:

– Убийца кого?

Часть первая

Убийца минотавров

Глава 1

Я очнулся от внезапного холода – ноги становились ледяными. Сразу захотелось подвигаться, чтобы хоть как-то согреться. Попробовал и испытал сопротивление: руки и ноги упирались в мягкую ткань. Стал быстро барахтаться, делая резкие движения конечностями, и паника улеглась – кокон поддался, стал заминаться, и первой вылезла правая рука.

Долгожданная свобода не обрадовала. Снаружи кокона оказалось еще холоднее, чем внутри него. Я освободил руки и ноги и наконец-то открыл глаза.

Над головой колыхались серые полотнища. Огромные складки материи поражали своим гигантскими размерами. Стало страшно. Грудь дернулась в спазме. Потом еще раз, захотелось заплакать. Это к каким же гигантам меня занесло? Я забарахтался с новой силой и вдруг увидел свои крохотные ручки. Со сморщенной кожей, пухленькие, с миниатюрными пальчиками. Такими маленькими, что я вмиг почувствовал себя беззащитным.

Господи, что со мной?

Я по привычке захотел задать вопрос вслух, но вместо этого забулькал, и изо рта полез пузырь. Самый настоящий, блестящий и с капелькой наверху. Стал надуваться, закрывая обзор вокруг. Секунда и пузырь лопнул, забрызгав меня слюной. Я вздрогнул, удивляясь, пузырь очень быстро исчез, не дав как следует налюбоваться собой. Я попытался утереть подбородок рукой, но чуть не выбил себе пальцем глаз.

Неожиданно. Что с моей моторикой? Не думал, что так сложно провести ладонью по подбородку.

Замахал руками и снова забулькал. Пузыри полезли изо рта с готовностью, словно только и ждали подходящего момента.

А это весело.

Странно, что раньше так не делал – увлекательное занятие.

Кто-то со всем рядом простонал:

– Ну чего там?!

– Посмотри да узнай!

– Да когда же он спать будет! В окне темень непроглядная!

– Не наговаривай. Сереть стало. Скоро вставать пора.

– Как будто бы и не спал.

– А я спала? Я спала?! Всю ночь глаза не сомкнула. Твоя очередь!

– Моя, – буркнул кто-то и полотнища над головой прогнулись, а затем и раздвинулись. Я затих, замер, переставая махать руками и ногами. В открытом проеме показалась огром-

ная голова в черных кудрях. Не красавец: не выпавшиеся глаза слезятся, нос картошкой, кожа оспинами побита. Су- ровый мужик. Батька мой!

Я его сразу признал, заулыбался, и усиленно забарахтался, обильно пуская слюни, силясь сказать про утренний холод.

Батька заулыбался в ответ. Заворчал:

– Ну чего ты не спишь? Волки тебя забери.

– Ага. Пускай тебя заберут и бросят где-нибудь, – сразу подал кто-то голос. Кудрявый мужик даже не обернулся, потянулся ко мне огромной лапищей.

– Ты же пацан! Понимать должен, папке дела делать с утра – он выспаться обязан, а ты что – веселишься всю ночь и пу- зыри пускаешь? Выспался днем? Бог мой, холодный-то ка- кой! Ледяной прямо! – батька закачал меня в огромных ла- пищах.

– Ледяной?! Дай! – сказал кто-то требовательно. Не успел я накачаться как следует и порадоваться новой игре, как был выхвачен из батькиных рук. Напоследок увидел изумление в его глазах и радостно забулькал, давясь пузырями.

– Ты же моя кровиночка. Ты же мой родненький, – завор- ковал кто-то сверху, нежно прижимая к чему-то мягкому и объемному. – Совсем замерз и слюнями изошел. Вот я сей- час тебя покачаю. Песенку-то спою. Слюнки-то вот так вы- тру.

– Да ты не пой! Наслушались за ночь! – подал кто-то голос из темного угла, ворочаясь на полатах. – Ты дай ему сиську.

– Да даю! Даю! – что-то большое и мягкое упало мне на лицо, закрывая разом мир. Я протестующе заворчал и закрутил головой, открывая рот, пытаюсь вдохнуть и выбраться. Не тут-то было. В рот сразу влез сосок и не успел я причмокнуть и оттолкнуть его языком, как рот сразу наполнился молоком. Пришлось сглатывать. Нос приоткрыли, и я задышал. Засопел. Зачмокал.

– Да он голодный у вас, бестолочи! – недовольно сказал голос с полатей.

– Да будет тебе, Хор, – примирительно сказал батька. – Спи уже. Скоро вставать.

– Да с вами поспишь! – пробурчал голос. – Всю ночь поете, и ладно бы умели! У драных кошек и то лучше получается, – мужчина заворочался.

– Мне твой старший брат уже вот здесь! – зашептал гневно голос – обладатель молока. Так это же мамка моя. Я закрутил головой, пытаюсь освободиться из-под сиськи и поздороваться.

– Сейчас срыгнет, – устало сказал батька, глядя на меня, – в кого такой неугомонный? Не трогай Хора. Семейные узы святы. Не могу я его выгнать из его же дома!

– Я все слышу! – сказал Хор и зажег лучину. Я скосил глаза и перестал во рту катать сосок.

– Не его дом, а родительский!

– Мой! По праву старшинства.

– Его, – вздохнул батька. – Только не начинай, милая. Зи-

му перекантуемся, а там строиться начну. Вот посмотришь! Летом уже в своем доме жить будем!

– Что? Правда?

– Правда!

– Да кого ты слушаешь! У нас хозяйство общее, как корову делить станем?! – в сердцах спросил мужчина с полатей.

Я вздрогнул и шумно вздохнул. Глаза сами собой расширились.

Освещенный пятнышком света на нас гневно смотрел Прохор. Поймав мой заинтересованный взгляд на себе, медленно подмигнул. Лукаво, словно тайну какую-то зная.

Я закапризничал, завертелся и отвернулся в темноту. Свел тонкие бровки, хмурясь, пытаюсь вспомнить что-то важное, но так и не вспомнив, усиленно зачмокал, работая ртом и теребя сосок.

1.1

На этот раз я очнулся, когда перестал плавно покачиваться, и кто-то подо мной резко дернулся и ругнулся незлобно. Сон как рукой сняло. Даже икнул от неожиданности. Открыл глаза: вокруг деревья огромные, сквозь кроны солнце пробивается. Насыщенная зелень, играя всеми оттенками, поражала. Посмотрел вниз и увидел кудлатую голову – сидел, выходит на бабкиных плечах. Схватил его за кудри черные, потянул. Тпру, родимый. Куда мы направляемся? И что это? Я

подрос? Хиленькие кулачки цепко сжимали отцовские вихры.

– Не балуй! На вот тебе свистульку, Егорка. Смастерил, пока шли. Мамке не говори, что чуть не зашиблись с тобой.

Я восхищенно вертел в руках короткую палочку. Свистулька? Мне? Да я всю жизнь мечтал о такой свистулке. Батенька, родненький – не удержался и чмокнул его в затылок – пахнуло прелым сеном. Потом довольный солнечным днем, приветливым лесом, где жили одни зайчики, я сунул свистульку в рот и засвистел. Как здорово жить в сказке и осознавать, что у тебя такой батяня. Ни у кого нет! А у меня есть. Я радостно засмеялся, и кудрявый мужичок искренне поддержал.

Веселье продолжалось недолго.

Кусты рядом с деревом зашевелились, ветки затрещали, листья, дрогнув, стали опадать. Сквозь бурелом продиралось чудище невиданное и точно хотело нас съесть, потому что зайчики проворно убежали, прячась в высокой траве, а мы нет – батяня замер истуканом. Я обмер и обмочился, обрывая трель. Папаня снова незлобно выругался:

– Гулять мне на твоей свадьбе.

Из кустов, поправляя юбку, вышла мамка. Пухлая, круглая, красивая. Белая кофточка на ней трескалась, облегая пышные тела. Из-под платка выбилась темно-русовая прядь длинных волос. Я счастливо засмеялся. Мамка улыбнулась мне в ответ, поправила белый с красными цветками платок,

подхватила с тропинки большую корзину, и как ни в чем не бывало, продолжила с батяней разговор:

– У Хора-то дом лучше, чем у нас.

– Так отцовский! Его поколениями строили.

Мать словно не слышала, продолжая упоенно:

– И крыша ладная – нигде не течет, и стены на зависть – нигде не поддувает. А печка какая? Как затопит, жарыща три дня стоит! Так и ходишь вся мокрая! Даже одеваться не хочется.

– Так уж и три дня, – огрызнулся батяня.

– Ну, два! Нет, три! Точно тебе говорю. Там печь всем печам на зависть, не то что у нас.

– Да переложу я печь. Будет тебе жара.

– И не дымила никогда! А наша дымит постоянно. Вся одежда в саже. Егорку бы пожалел – ходит чумазый, и я такая же рядом с ним!

– Так мойтесь, – огрызнулся батяня.

– Так кто бы хороший колодец выкопал!

– Так я выкопал!

– А воды-то в нем нет.

– Есть, как нет! – изумился батяня.

– Пять ведер и пересыхает! У других-то по десять, а у Хора так и не пересыхает никогда. Дивный колодец. Не то что у нас.

– Да дался тебе этот колодец!

Родители замолчали, некоторое время брели по лесной

тропинке в тишине, потом мамка что-то вспомнила:

– А какая у Хора корова! Я один раз ее доила! Столько молока, куда там нашей.

– Так наша – это отцовская. Ты тогда крик подняла, чтоб нам корова досталась. Я бы по весне новую пригнал, молодую. Глядишь, больше бы давала молока.

– Ага. Ты бы пригнал!

– И когда это ты у Хора корову доила? – спросил батяня и остановился. Мамка прошла мимо него.

– Когда, когда. Когда надо, тогда и доила. Давно было.

– Что-то не говорила мне ничего, – насупился отец. – Когда давно-то?

– Да давно. Лучше скажи, где малина твоя? Все ноги уже истоптала – конца края не видно дороги. Долго еще идти? Далеко в лес забрели, по темноте будем возвращаться.

– Да я как лучше хотел, чтоб малины побольше, чтоб мы полежали в лесу – пташек послушали, а Егорка побегал по травке нехоженой.

– Ишь, чего надумал – полежать. Дома что ли не належался? А ну как Егорка убежит? Или змея укусит?!

– Ма-лина! – сказал я и чуть не выронил свистульку из рук, пораженный в самое сердце. Слово-то какое важное. Весомое. Я покатал его во рту, и уже увереннее сказал:

– Малина, – и замер, потому что увидел пораженных родителей своих. Батяня голову вывернул, пытаюсь меня разглядеть. Хотел в глаз его свистулькой ткнуть, но передумал,

так как мамку услышал. Она первой рот закрыла, а потом снова открыла и разочаровано протянула:

– Я думала, у него первым словом, как у всех детей, «мама» будет, а тут «малина».

– Хорошо, что не Хор, – весело отозвался батяня.

– Хор, – подумав, сказал я. Хотел «Прохор» сказать, но получилось сокращенно. Отец рассмеялся.

– Ну вот и заговорил, – насупилась маманя.

– погоди, мать. Не заметишь, как в дружину отдадим, а там и внуки пойдут. Сюда идите. Срежем.

– В дружину?! – изумилась мамка. – Не отдам! Пускай на печи дома сидит.

– Ага. Удержишь его, – батяня похлопал меня по маленькой ножке, я брыкнул. Мы оба засмеялись. Потом я увидел огромные заросли с красными ягодами и радостно закричал:

– Малина! – указывая направление свистулькой.

– Вот и пришли, – устало сказал батяня, опуская меня в густую траву. На голую коленку сразу прыгнул кузнечик. Зря он так сделал. Поймал, разорвал на две половинки и побежал мамке показывать. Та не оценила. Запричитала и хотела схватить, но я ловко увернулся, нырнув под руки, и побежал дальше, к малине.

– Ловкий, чертенок. Не по годам развит, – пробормотал батяня в след, – весь в меня, – добавил он и я обернулся, помахать отцу свистулькой, и увидел, как мужчина вдруг замер, пригибаясь, к чему-то прислушиваясь. Лицо его сразу

посерело и даже кудряшки на бороде принялись распрямляться, теряя былые завитки. Движения стали какими-то плавными, чужими, неестественными – так он точно никогда не двигался. Я влетел в заросли малины и сразу запутался в больших ветках, листьях, уперся в сухие палки стволов, скользнул к земле, пополз низко пригибаясь. Ага, вот здесь пройти можно. Теперь сюда юркнуть. Какая-то птичка ямку вырыла, для меня, наверное, старалась. Полна яма листьев. Надо зарыться. Спрятаться лучше, так все зайчики делают, значит и я должен. Я еще раз обернулся в сторону родителей и прилег в ямку, сворачиваясь калачиком, зарываясь в жухлую листву с головой, нагреб сверху горкой, то что надо получилось.

– Егорка? – неуверенно позвала меня мамка, потеряв ментально из вида, – ты где? Выходи, а то выпорю! Куда спрятался, говорю?! Выходи, а то хуже будет!

– Тише, мать! – зашипел батяня.

– Что «тише»? – еще громче прежнего заголосила мамка. – Ищи давай Егорку! Небось, змея уже сыночка моего родненького утащила. Ишь, «тише» мне он говорит. Умник нашелся!

– То и тише. Беду накличешь! Замолкни, говорю.

– Да я сама – беда!

– Беги!!! – вдруг истошно закричал батяня, а сам резко развернулся спиной к нам, желая непреодолимой преградой стать на пути неизвестного. Вытащил нож из-за пояса. Руки

в стороны развел, мир желая обнять.

– Куда это бежать-то? – промямлила мамка, пятясь неуверенно. – Куда бежать-то?

Я смотрел на батяню расширенными от ужаса глазами. Вот он пригнулся, заводил ножом в разные стороны, ожидая принять на клинок невидимого врага. И вдруг резко свистнуло, земля дрогнула, порыв ветра качнул кроны деревья, и отец исчез с поляны, унесенным вихрем. Я зажмурился. Не может такого быть. Злая сказка! И лес злой! И зайчики. Вот сейчас открою глаза, и все вернется на места свои.

– Ой, мама, – громко прошептала мамка и от ее хриплого голоса волосы на голове зашевелились, становясь дыбом.

Я открыл глаза. Мамка никуда не побежала. Тяжело опустилась на колени, заваливаясь на бок. Белая кофта ее на груди становилась красной. Пятно набухало, разливаясь, и увеличиваясь в размере.

Земля гулко затряслась, завибрировала, больно отдаваясь в ухе, словно стадо лошадей проскакало. Листья малины задрожали. Где же батяня? Куда исчез? Не вовремя-то как. Сейчас бы его нож пригодился. Я зажмурился изо всех сил, сжимая веки и морща нос, зная, что это точно поможет и все обойдется – проверено, не раз помогало в трудную минуту. Должно и в этот раз сработать.

Не помогло.

Не сработало.

Тяжелое тело обрушилось в кустарник малины, падая

совсем рядом. Я открыл глаза и изумленно пискнул. Совсем рядом лежала маманя. Без платка. Волосы растрепаны. Из рта струйка красная стекает, наверное, малины объелась. Глаза, неестественные уже, стали стекленеть, потухать. Вдруг зрачки остановились, и мамка заморгала, возвращаясь к жизни, меня в ямке увидев. Тяжело глотнула, тихо шепча:

– Не высовывайся. К Хору беги, как стемнеет. Он твой...

Я зажал уши ладошками, не желая дальше ничего слышать. Мамка охнула, переворачиваясь, и, неожиданно проворно, поползла, подальше от меня.

Далеко у нее уползти не получилось. Земля в очередной раз дрогнула, мамку резко подхватил порыв ветра и зашвырнул в кроны дерева. Я сжал покрепче свистульку, боясь пошевелиться. От порыва ветра листочки надо мной заколыхались. Сверху упала малина. Большая ягода скатилась мне под руку, и я замер, боясь ее раздавить.

Земля содрогнулась от резкого удара. Я дернулся в ямке. Рядом кто-то находился. Чудовище, расправившееся с родителями, шумно дышало, принюхиваясь. По кустарнику провели рукой. Крупные резные листья заколыхались, а сорванная, сбитая под мощным порывом малина полетела в разные стороны. Одна из ягод больно ударила по голове. Сердце остановилось. Я хотел закричать, но не мог. Отчаянный вопль застрял в груди. Я хотел закрыть глаза и не видеть происходящего ужаса, но забыл со страха, как это делается. Все

тело одеревенело. Совсем рядом я увидел огромное копыто. Выкрашенное в неестественный яркий синий цвет с тремя золотыми черточками по краю, оно замерло в опасной близости от лица так, что я чувствовал смрад, исходящий от него. Секунда такой близости длилась вечность. За это время я успел разглядеть жесткие волоски над копытом, торчащие во все стороны. Земля резко просела под тяжестью чудовища и резко пружинила, принимая в себя толчок. Копыто исчезло.

Я бы подумал, что и не было его никогда, не видя отчетливый след прямо перед лицом. Глубокий. Страшный. Он безжалостно раздавил малину, и теперь она медленно сползала по глинистой стенке.

Дикий рев потряс воздух. Утробный, сильный, властный – это был крик победителя. С деревьев шумно сорвалась стайка маленьких птиц. Тревожно щебеча, они резко закружились, поднимаясь высоко в голубое небо, и моментально превратились в черные точки.

Жаль, что я так не мог.

1.2

Кажется, мое тело умирало.

Вроде времени прошло немного, но что-то в тельце надломилось.

Еще недавно оно думало, удивлялось, лепетало, сейчас же не подавала никаких признаков жизни. Сил хватало только

на то, чтобы отстраненно моргать иногда глазами. Зато мой разум стал сразу сильнее, активировался, желая полностью подмять под себя детский рассудок и подчинить слабенькое тельце своей воле. У меня миссия, мне надо. Ничего, что тело ребенка. Главное разум в нем правильный, мой, то есть. Пора взрослеть.

– Что же ты, парень? Давай вставай! Надо двигаться. Выбираемся из ямки и друженько ползем в сторону деревни. Ночь в лесу вряд ли переживем.

То ли себе приказал, то ли ребенку. Не смог определиться. Мальчонка медленно поднял руки к голове и накрыл ладонками уши. Я никуда не пропал. Не сработало. Интересно, а как он меня видит? Сразу взрослым: красивым офицером при орденах? Я себя только таким и представлял. Маленька сидит в глубоком кресле, обмахивается веером, а я рядом стою, иногда киваю головой проходящим в банальный зал гостям. Подмечаю красавиц одиноких и не очень, поигрываю бровью как бы невзначай. Впереди культурный вечер, скромный бал в честь моей персоны.

Такой я и есть на самом деле: обычный граф, кадровый офицер, и уж точно не этот чумазый ребенок, прячущийся в малине. Ох, не сойти бы с ума раньше времени. Скорей бы вырасти и миссию выполнить.

Я долго таким оставаться не могу. Не по нраву мне быть ребенком. Да и забыл я, как им быть.

– Батяня, – прошептал мальчонка, словно и не думал я

до этого, и не страдал от мыслей тяжких, крепче ухватил свистульку и безмолвно заплакал, почти не кривясь. Всегда блестящие волосы сейчас пожухли и потеряли цвет, как и сорванные с утра листочки малины. Я вспомнил, как нас гладили по голове и тоже чуть не заплакал. Так спокойно было в эти минуты. Дом, крепость, батяня – все вечное и устойчивое. Теперь нет ничего. Еле сдержался от приступа слез, эмоции ребенка чуть самого не захватили, вывернув душу наизнанку. Надо учесть на будущее. Опомнись, граф! Какой еще батяня?

– Мне его тоже жалко. Хороший был мужик! О детях заботился. Простой, любил всех. Теперь нет его.

Из глаз Егорки обильно потекли большими каплями новые слезы. Вот ведь, не смог утешить ребенка. Что такого сказал? Да как с ними разговаривать? И надо ли вообще? Может, изредка мысли подкидывать, да помогать взрослеть побыстрее? Помнится, о таких обычно говорят: «О, развит не по годам, умен!» и никто из общества не догадывается, что в голове простого мальчонки обычный граф заключен, помощник и затейник еще тот.

Но сейчас точно надо вмещаться и поговорить по душам. Проявить настойчивость, а то миссия может к чертям завалиться.

Поговорить, как с солдатами? Я ведь только с ними умею. Но ему же два года, может три. Выйдет ли?

Попробовал, прибавляя в голос металла:

– Отставить уныние, ибо то грех тяжкий! Не время умирать, взбодрись! Неужто смерть папки твоего стала напрасной? Дотянись до малины, съешь ягоду! Будь мужчиной и начинай двигаться! Всю волю в кулак, сынок. Ты должен выжить! Очнись! Докажи всем, что ты не слабак. Докажи МНЕ, что ты не слабак. Давай!

Ребенок перестал плакать. Приподнял голову, завертел в разные стороны. Испуганно посмотрел в быстро темнеющий лес. Надо же. Сработало. Достучался, а говорят, малые дети не понимают ничего. Самый настоящий солдат.

А нет, показалось.

Егорка снова заплакал и стал зарываться в листву.

– Стой! Нет, парень. Так не пойдет. Скоро ночь. Скоро волки придут. Чем ты станешь от них отбиваться? Свистулькой?

Егорка покосился на коротенькую палочку, зажатую в крохотном кулачке, потом снова уставился в глубокий след, оставленный лесным чудовищем-великаном, и сжался, теперь уже, кажется, навсегда.

– Не вздумай! – запаниковал сразу я. – Ради батяньки надо жить. Вырасти и отомстить. Понимаешь?

Мальчонка кивнул и снова с интересом посмотрел в лес. Что-то его там постоянно привлекало. Вертится и носом меньше шмыгает, когда смотрит.

– Зайчик? – неожиданно спросил он. Я пригляделся. Из далеких кустов на нас смотрели два фосфоризирующих го-

рящих глаза. Вот они мигнули, погасли и загорелись адским пламенем в другом месте, заметно сократив дистанцию. Хищник перебежал от дерева к кустарнику и затаился в густой траве.

– Хотелось бы, – пробормотал я, – готовь свистульку.

Егорка вытянул вперед себя прутик, переставая плакать.

– Малину съешь – наберись сил перед схваткой, будь как батяня, – подсказал я.

Мальчик послушно сорвал ягоду, засунул в рот, стал пережевывать, сосредоточенно работая челюстями, но мысленно он был далеко. Предстоящая встреча с зайчиком его возбуждала. Он искренне верил в белого пушистого зверька. Я – нет. У меня свело скулы. Ну и кислятина! Хотел выплюнуть, но проглотил.

Глаза хищника мигнули, потухнув, и я сжался, предчувствуя атаку хищника, говоря быстро:

– Бей в нос! У нас будет только один удар... Но какой!

Остро пахнуло псиной. Вместо стремительной атаки зверя я увидел большой нос. Такой огромный, что он закрывал прочий обзор, и я больше ни о чем думать не мог, не сводя с него взгляда. Может, не заметит?

Черный нос к нам не приблизился, сохранил дистанцию. Наверное, знал про свистульку и забоялся. Нос шумно задышал, раздуваясь. Я не в силах был отвести взгляда от этой мокрой губчатой пробки, ожидая разинутой пасти с длинными клыками. Съест за два раза. Жаль. Подвел я титана и

не встретился с королем. Не успел. Оленьку тоже больше не увижу – не сдержал слово, умру подлецом. Мальчонку тоже не спас, не успел наставить на путь истинный.

Волк чихнул и попятился. Обернулся назад и завыл. Весьма странная реакция на ребенка.

– Егорка! – неуверенно позвал хриплый голос в сгущающей темноте. Под ногой мужчины громко хрустнула ветка. Он стоял перед зарослями малины, не решаясь сделать первый шаг. Рядом крутилась некрупная волчица, иногда махая хвостом и порываясь кинуться вперед и показать наш схран. Впрочем, мужчина был очень осторожным и точно никуда не торопился.

– Егорка, – снова позвал он. Мальчонка зашевелился, поднял голову, опираясь обессиленными руками о край ямки, и я увидел Прохора.

– Так ведь это же Прохор, – хотел сказать я, но детский голосок пискляво выдавил: – Хор. Хор!

– Егорка, – взволновано, проговорил мужчина и шагнул в малину, ломая стебли.

1.3

Не покидало меня чувство, что жизнь – моя новая книга для кого-то, и тот, кто читает ее, не особо заботится о последовательности: захотел – тут открыл, а не понравилось место, так перевернул с десятков листов.

Хотя почему кто-то? Титан и есть. Сидел, наверное, сейчас за столом и листал. Скорей бы начитался отрывков, да открыл бы книгу, где я взрослый – сил нет сидеть в детском теле.

Титан не торопился и наслаждался моими мучениями.

Вот я мальчонка лет восьми. Первым делом кулак сжал и посмотрел на него. Вдохнул, маловат еще. Таким и не двинуть хорошенько. Потом огляделся по сторонам. Стояли с Прохором на зеленом холме и смотрели вдаль. Там в небо ясное и голубое поднимался легкий черный дым, ветром принесенный. Я старика сразу узнал. Кашлянул для порядка, подмигнул. Тот посмотрел на меня строго. Ничем себя не выдал. Не признал. Спросил грозно и сурово:

– Что видишь?

Я неопределенно хмыкнул, оценивая картину. Внизу селение с редкими домами, колодец, козы пасутся. Куры бегают, кудахчут. В небе ястреб – опять кто-то желтого цыпленка не досчитается. Дым далеко. Где-то горит знатно: черные клубы поднимаются слишком высоко в небо, закрывая легкой пеленой обеденное солнце. Ветер принес запах гари.

– А что я должен увидеть? – спросил на всякий случай.

– Тебе зоркие глаза для чего даны? – насупился Прохор. – Чтобы хлопать ими?

Слова обидные пришлось проглотить. Нет, я, конечно, ответил, как полагается, но вместо задуманного получилось:

– Вижу, дядюшка Хор, дым в небе, – голосок прозвучал

пискляво и заискивающе. От досады чуть в сердцах не сплюнул.

– И что думаешь?

– Минькино горит.

Старик покачал головой, соглашаясь, пригладил седые вихры.

– Так. Правильно мыслишь. Сожгли Минькино дотла. Пойдем, больше мы ничего не увидим.

Стали спускаться вниз к селению. Аккуратные белые домики под соломенными крышами выглядели празднично, нарядно и как-то неестественно. Рядом крутилась серая волчица. Уши торчком, смотрит по сторонам, вынюхивает. Я не удержался, спросил, забегая вперед перед важным дядюшкой:

– А что мы еще должны были увидеть, дядюшка Хор? Чего так долго ждали?

Старик вздохнул, погладил бороду.

– Беженцев, Егорка, – пробормотал он и, минуя меня, зашагал дальше.

– Так не было никого! – скороговоркой выпалил я. – Никто не пришел из Минькино.

– Не пришел, – согласился дядюшка Хор и неохотно добавил, – и не придет уже никогда.

Глава 2

– Это славный мальчик! Возьмите его в дружину, – твердил, как заведенный, верный дядька. Мы стояли по щиколотку в серой грязи, а мимо медленно ехали всадники, закатанные с ног до головы в глухую броню, тащились полупустые легкие повозки, и никто не обращал на нас внимания.

Мелкий дождь лил, не прекращая, с утра, превратив главную дорогу в кашу. Маслянистые пласты глины лежали вдоль дороги и только и ждали падения какого-нибудь неудачника. Большие лужи разливались озерами, и колеса повозок, разгоняя мутные волны, с трудом крутились, увязая в грязи. Одна такая застряла напротив нас и крепкий старик, покинув место возницы, толкал ее сзади, помогая своей гнедой лошади. Заляпанная по уши грязью, она устало прятала уши и не хотела сдвигать телегу с места.

Надо было бы помочь, но дядька, не переставая пританцовывать, приставал к проезжающим всадникам, упрашивая:

– Возьмите мальчика в дружину. Развит парень не по годам. Смысленый! А какие сказки рассказывать – заслушаешься. Возьмите, а?

Я стоял на краю дороги и пялился на застрявшую телегу. Пожилой воин уперся спиной, закричал, налегая, и колеса вышли из вязкой грязи. Лошадь набрала ход. Старик перехватил длинные вожжи, стряхнул с потемневших полосок

дождь и грязь, и прокричал:

– Тпру, Звездочка. Стой, родимая. Давай передохнем. За-
морился я чуток.

Я смотрел, как капли стекают со спиц высоких колес. По-
том перевел взгляд на телегу. В ней сидел худой парень и,
не моргая, рассматривал меня. В глазах ничего не читалось.
Не пренебрежения, не величия от того, что кто-то уже в дру-
жине, а ты нет. Абсолютно ничего. Плащ парня потемнел от
дождя, с края капюшона набухла толстая дождевая капля.
Вот она сорвалась и упала на руку, разливаясь кляксой. Во-
ин поморщился.

Дядька перешел к более активным действиям и схватил
проезжающего всадника за узорные стремяна.

– Возьмите славного мальчика в дружину! Господин,
мальчик будет верным вам оруженосцем. Лучше никого не
найдете!

Лошадь под всадником попятилась, вывернула шею, имея
твердое желание откусить дядьке руку. «Еще бы немного, и
ему бы не повезло», – подумал я безразлично. Всадник по-
гладил коня по холке и посмотрел на меня.

– И сколько зим «славному мальчику»?

– Пятнадцать, господин! – вскричал верный дядька и под-
толкнул меня вперед. Дождь кончился. Всадник поднял го-
лову, пялясь в небо, придержал гарцующего коня и снова
оценивающе посмотрел на меня.

– А на вид, всего двенадцать, а то и десять, – воин поднял

забрало, а потом и снял шлем. Обтер влагу с мокрых волос.

– Да какой двенадцать?! – искренне изумился дядька. – Говорю же все пятнадцать. Мне ли не знать, сколько он съел за зимы мешков пшена?

Всадник надел шлем и пробормотал, думая о своем:

– Все одно.

– Смышленный мальчонка не по годам, – настаивал дядька. – Сильный! Норов как у боевого петуха. Возьмите к себе оруженосцем, господин, нисколько не пожалеете.

– Оруженосец мне нужен, – устало пробормотал воин, – но твой сын мал еще для дружины.

– На рост не смотрите, господин! Он сильный.

Всадник улыбнулся:

– Сильный говоришь? – он поманил меня к себе пальцем и, стоило мне сделать пару шагов, резким движением отсоединил от седла длинный топор и кинул оружие мне со словами: – Лови!

Я качнулся вперед, хватая скользкое древко. Время замедлилось. Пальцы с хрустом сомкнулись на мокром дереве, но сам топор перевесил, тяжелое лезвие стало медленно опускаться, и остановить и изменить траекторию движения топорщица больше не представлялось возможным. Дядька икнул. Всадник досадливо поморщился, отворачиваясь. Парень сморгнул с ресниц капли дождя. Все понимали – топорщице летит мне в ногу и сейчас отрубит полступни. В последнюю секунду я убрал ногу, и лезвие приземлилось в

грязь. Поднявшиеся брызги замерли в воздухе, а потом с шумом упали в жижу, и время снова пошло, набирая прежний ритм.

– Ловкий точно, – сделал вывод всадник, пожимая плечом. – Поднять топор сможешь? Теперь он твой.

Пока я поднимал тяжелый топор и половчее перехватывал в руках, воин, потрепав беспокойного коня по холке, спросил дядьку:

– Ты хоть понимаешь, что малец будет жить до первого боя?

– Понимаю.

– Хорошо, – всадник кивнул уже мне, – садись в телегу, – и, взмахивая поводьями с чеканными серебряными бляхами, спросил: – Как зовут?

– Егорка.

– Не потеряй топор, Егорка, головой отвечаешь, – кивнул воин и тронул коня с места. Я повернулся к дядьке. Настал момент прощанья. Хор вытянулся, ожидая приглашения: зова за собой, но я нахмурился – самого ели взяли, с трудом уговорили. Я вздохнул. Из-под длинных жердин забора вдруг вынырнула старая волчица, с трудом перелезла через грязевую кучу и затрусилась к нам.

– Я думал, ты сдохла давно! – воскликнул сердито дядька. – Где была?

Волчица вскинула морду, глядя на хозяина, и неуверенно взмахнула обрубком хвоста. Комок грязи позади нее заше-

велился и на дорогу выскочил перепачканный белый волчонок. Поджал лапку, боясь ступить, склонил мордочку, испуганно таращась на людей. Я закинул топор в телегу и быстро шагнул к нему, подзывая к себе. Волчонок обрадовано затрусил ко мне, смешно подкидывая зад. Дядька Хор покачал головой, пробормотав под нос слова неразборчивые. Я же подхватил волчонка под брюхом, увернулся от горячего языка и быстро залез в телегу. Возница, обернувшись, покачал головой:

– Кормить будешь из своего пайка.

– Ладно.

– Как зовут? – спросил сосед и протянул руку к волчонку, желая погладить. Щенок злобно оскалился, изловчился и клацнул зубами. Жаль, не попал, но парню хватило – в страхе отшатнулся назад и капюшон у него откинулся, и я увидел, что парень на самом деле никакой не парень, а девчушка чуть постарше меня. Золотистые косы, свернутые на голове в толстый колос, ярко блеснули. Я отвел глаза и, хмурясь, глядя на грязь, как можно безразличнее сказал:

– Волк.

– Волк? Хорошее имя для волка, правильное, я бы сказала, верное, и не забудешь никогда.

– Не забуду, – буркнул я.

– А тебя – Егорка? – девушка поспешно надела на голову глубокий капюшон.

– Егорка, – вздохнув, признался я и загрустил по дядьке

своему, который так и остался стоять на краю обочины.

2.1

Волчонок покрутился юлой, устраиваясь поудобнее, сунул нос мне под куртку и затих, предательски всхрипнув. Я, стараясь не смотреть на соседку, огляделся, и, обнаружив сбитый ящик с инструментом, вытащил короткую пилу. Оценил полотно и причмокнул от удовольствия. Девчонка тут же сказала:

– А я думал, ты – сын кузнеца, а ты – плотника, выходит? Меня, кстати, Панкратий зовут.

Я хмыкнул:

– А я думал, ты – девчонка.

– Может и девчонка, только папа сказал: «Теперь девчонок нет. Время не то. Все равно вырасти не успеешь. Возьми лук и стрелы. Будешь лучником и Панкратием».

– Здорово, – хмуро сказал я, – это, что ли, твой папа? – кивнул я на сутулую спину возницы. С такого станется родную дочь Панкратием назвать. Старый, вредный и, видать, оригинал. Мог бы другом стать моему Прохору. Подходят. Только я волчонок выбрал. Доверился сердцу, и линия в истории сразу изменилась.

– Нет, – протянула девчонка Панкратий, смешно морща правильный носик, – мой тот, что на боевом коне был и тебя взял к себе вторым оруженосцем.

– А первый кто? Ты?

– Первый сейчас в разведке. Я – лучник.

Я покосился по сторонам. Увидел в соломе тщательно спрятанный потертый колчан и простенький лук. Спросил:

– Уже стреляла?

– Ага. Два раза, – девчужка беззаботно улыбнулась, встряхивая капюшон от капель. Несколько упало на Волка и он, заворчав, зарылся в меня носом еще глубже. Подставил пузо, чтоб почесал. – По пугалу. Не попала. Папа сказал, что ветер дует. Только я не чувствовала ничего.

Замолчали. Колесо протяжно скрипнуло. Возница хлопнул вожжами, прикрикнул на Звездочку. Лошадь засеменила ногами, но быстро успокоилась, и мы опять потащились по грязи медленно. Мимо проезжали всадники. Торопились. На нас не смотрели.

– Я без батяни рос. Съели его, – просто сказал я, – когда за малиной ходили. Давно было.

– А мамка есть? Ты же не один рос?

– Мамку тогда же съели. У меня дядька есть. Он вырастил.

Девчонка кивнула. Даже не утешила словом. Теперь обычное дело, когда кого-то съедают. А многие люди, когда рассказывал, вскрикивали: «Ничего себе за малиной сходили!» Может, сердцем черствая? Да и глупая на вид, хоть и красивая. Бабка Фрося красивой не была, но тоже когда-то ляпнула: «Много хоть малины собрали?» До сих пор помню ее сердитый вид: сведенные к переносице брови и колючие изу-

чающие глаза. Нет. По мне так уж лучше промолчать иногда, как дочка господина, например.

– Я тебя Панкратием звать не могу, – признался я. – Долго слишком. Ратой назову, будешь откликаться?

– Мне все равно, – махнула рукой девчонка. – Я и косы не обрезала. Папа сказал – мы до первого боя. Рат, Рата – нормальное имя для лучника. Только я – парень, не забыл?

– Помню. Девчонкам не место в дружине?

– Ага. Чтят традиции. Пила-то тебе зачем?

Я продолжал вертеть в руках инструмент, позабыв о нем. Давно с девчонками не общался, все с волками да с дядькой. Подтащил топорище, примерился к ручке и сделал первый пробный надпил:

– А вот зачем! – непослушное лезвие пилы выскочило из засечки, оставляя на дереве волнистые царапины.

– Папе не понравится. Имущество его портишь.

– Так он мне его подарил! Теперь топор мой.

– Не совсем так. Господин одолжил топор тебе на первый бой. Хотя, – Рата пожалала плечами, – потом спрашивать не с кого будет. Топорище жаль. Красное дерево, вековое. В доме долго на стене висело. Досталось от предков. Дедушкина реликвия любимая. Что, не пилится?

– Тяжело идет, – признался я. Силы в руках не хватало. Возница на наши голоса обернулся. В глазах его мелькнуло удивление. Тряхнул бородой, заблеял:

– Ты что делаешь, окаянный?!

– Пилю.

– Зачем?! – изумился старик. Потянул вожжи, лошадь пошла в бок с дороги, въезжая в пласты грязи и грозя застрять навсегда – передние колеса телеги начали проваливаться в трясины. Возница отвлекся, справляясь с напастью.

– Тяжел топор для меня – не взмахнуть толком.

Возница примолк, потом осторожно спросил:

– Ты что, драться собрался?

– А ты нет, что ли? – удивился я. Отпиленная рукоятка упала в грязь. Возница и Рата переглянулись. Старик закрутил шей, словно ворот рубахи ему мал. Отвернулся от нас, так ничего и не ответив. Девчушка придвинулась ко мне. Задыхалась так, что щека у меня разгорелась.

– Вот тут дырочку сделаю, – пояснил я, хмурясь от того, что краснею, – тесемку кожаную проведу, петлю сделаю. Тогда с руки соскальзывать не будет. Брусок есть?

Рата наклонила к себе ящик, поискала камень. Протянула мне. Я перевернул топор к себе, посмотрел на широкое тупое лезвие – хорошее железо, только не ухоженное, и провел по нему первый раз бруском, к вечеру должен был управиться.

Рата глупо улыбнулась и склонила голову к моему плечу. «Тоже мне пацан-лучник. Да что с вами со всеми? Одному пузо почешу, другой плечо подставь. Неженки. Я вот не такой. А все почему? Потому что без отца рос».

Я вздохнул и продолжил точить топор.

2.2

Думал, темнеть станет и наш табор на ночлег остановится. Поужинаем хорошо. Кашу сварим. Похлебаем из котелка. Я бы грибов тогда нашел и смог бы удивить Рату своей добычей. После дождя сизых и слизняшек полно под елями вылезает. Знай собирай – темнота не помеха. Я вообще решил Рату почаще удивлять, чтоб она поняла, что с таким, как я, не пропадет.

Однако остановились мы, когда солнце еще высоко было, и кашу варить не стали. Всадники все вперед ускакали, а мы на телегах кольцом встали. Не распрягая лошадей. Два мужика корзину с хлебом таскали, нам на троих ржаной каравай выдали. Дед-возница, разделив ужин на три равные части и нам доли выдав, кратко пообщался с раздатчиками провизии. Я его слушал, а Рата волчонка моего кормила. Улыбалась, почти весь свой паек скормила. Хотела и мой забрать, но я не дал, грозно брови охмурил.

– Чего это мы стали? – спросил возница.

– Завтра с утра битва будет. Дружина по полю вытянулась, готовятся. Нам, обозникам, ждать здесь, в лесочке. Потом дыру заткнут.

– А кто команду отдаст?

– Староста Эрнаст. Он нами командовать и будет. Поведет, куда скажут.

– Это тот, что без ног?

– Так на коне будет.

– А справа от нас кто встал? Чужие вроде?

– Да нет. Свои. Речные. Там с пяти деревень.

– Не видел никогда, – признался возница. – Нормальные мужики?

– Нормальные, – ответил раздатчик хлеба, и потащились они дальше. Я вытянулся, стараясь рассмотреть «нормальных мужиков». Так, суетливые, покрикивают часто чего-то, через одного вооружены короткими копьями. У двух-трех короткие луки, на детские похожи.

– Садитесь сюда, – сказал возница, устраиваясь поудобнее у колеса. – Сейчас есть будем. Панкратий, возьми из телеги флягу с водой. Где хлеб твой?

Рата беззаботно махнула рукой:

– Волку отдала. Он голодный!

– На то и волк! – хмыкнул дед. Покосился на свою краюху, но пока вздыхал, я его опередил. Поделил свою поровну, и Рата заулыбалась, принимая гостинец. Возница хмыкнул.

– Быть тебе битым, и господское имущество портишь, и дочку охмурил.

– Я – Панкратий!

– Да помню я, помню. Тоже мне «Панкратий»! Придумали же.

– Я думаю, ничего особенного в этой истории нет.

– В смысле? – опешил возница. – То есть ты считаешь нор-

мальным, что девица на выданье, с косами по пояс, кричит на каждом углу, что она «Панкратий»? Я понимаю, у господ не все в порядке с головой, но ты-то в лесу рос!

– И вовсе не на каждом, – огрызнулась девушка, – может, я умереть с косами хочу! Желание у меня такое. Что, Панкратий не может быть с косами?!

Возница задумался, потом покачал головой и категорично заявил:

– Нет.

– Я не о том, – сказал я и поморщился – не любил, когда меня перебивают, – может она не девушка вовсе...

– Я – девушка! – вспыхнула в негодовании Рата.

Я снова поморщился и продолжил:

– Я к тому, что ты – девушка, но в душе ты – Панкратий. В теле Раты живет две сущности, – спутники слушали, открыв рты. Я немного помялся, видя такую реакцию. – Не сложно вам для понимания? Я думаю, в теле каждого из нас живет по две сущности, только мы об этом не подозреваем.

– Или по три, – подумав, сказал возница, – я вот, когда выпью, так во мне просыпается сущность разрушителя. Такого обо мне рассказывают на утро. Ну точно не про меня!

– Спасибо, – просто сказала Рата.

– А ты значит, малец, Егорка? Сказочником не хочешь стать? Хорошее дело, прибыльное: на каждом пире место найдется, всегда сытый и пьяный будешь. Подумай!

Я кивнул, медленно жуя хлеб, и прислушиваясь к гулу

непонятному. Кажется, из всех людей звук беспокоил только меня одного. Волчонок, сидевший тоже с нами у колеса и чесавший задней ногой ухо, отвлекся от увлекательного занятия и тревожно заурчал, крутя головой. В угольках глаз светился неподдельный нарастающий ужас. Одно ухо встало торчком, другое, сколько он ни старался, так и осталось лежать лопухом. Щенок тявкнул и, закусив мою куртку, затряс головой, злобно заурчав. Я погладил черный нос и выпуклый лоб, стараясь успокоить зверя.

– Молчаливый какой, сказочник, – кивнул дед на меня, – серьезный. Скажи мне, на кой тебе топор? Что ты с ним делать будешь? Он же больше тебя!

– Уже нет, – отозвался я, показывая, как ладно по руке сидит топор. Жаль, лезвие большое и тяжелое, удержать трудно, а как бить – ума не приложу. – Слышите шум? Конница возвращается?

– Что?

– Земля гудит. Я такой звук навсегда запомнил. Конница, правда?

Дед прислушался, медленно жуя, шамкая беззубым ртом. Потом подавился хлебом, выплюнул и закричал фальцетом:

– Тревога! Тревога!

Вскочил. Сделал два шага вправо, три влево. Звездочка фыркнула. Мужики из рыбацкой деревни, перестали спорить, закивали в нашу сторону, заулыбались.

– Тревога! – суетливый дед, продолжал надрываться, а сам

из телеги выдернул лук и колчан, кинул к ногам Раты, тут же надел на голову большой шлем и взял в руки тяжелый меч и круглый щит.

– Что ты кричишь, старый!

– Тревога! Из леса бегут! Разве не слышите?!

– Да кто? Наши, что ли? Там же дружина!

– За лесом поле! На нем дружина!

– Дружина! – замотал головой дед, так что шлем сполз на одну сторону и зацепился за ухо. – Кажись, уже там не дружина! Где Эрнаст? Пускай командует. Вот что, хлопчики, бежим. Нечего ждать Эрнаста. Бежим, я вам говорю!

Я судорожно сжал двумя руками древко, выставив грозное оружие перед собой. Блестящее лезвие завалилось, больно стукнув плашмя по лицу, кажется, приводя в сознание. Быстро посмотрел на Рату. Та поджала ноги к подбородку, скрючилась и смотрела прямо перед собой, не моргая. Волчонок уже прыгал рядом с дедом, уловив порыв, готовый бежать за компанию.

– Ну, как знаете, а я побежал. Прощай Звездочка, прощай.

Мужики с рыбацких деревень стали приходить в себя, стоило деду выбежать за обозы. Меч и щит он кинул, решив не тащить. Рата продолжала сидеть неподвижно, а волк устав прыгать, присел, и, склонив голову, серьезно посмотрел на меня.

– Я не могу, – замотал я головой, – Рата же... Пойдем, Рата. Дед куда-то делся, наверное, за подмогой побежал.

Волк зевнул, показывая длинный язык и устало подошел к колесу. Так и сидели мы втроем, каждый, думая о своем, с лицами испуганными и неподвижными, пока рыбаки не стали явно беспокоиться. Один из них, старший, вскочил на подводу, потом резко спрыгнул на землю, и, не разгибаясь, хрипло закричал:

– Лучники занять оборону!

Его никто не слушал.

– Мать вашу, лучники есть?! Строиться в одну шеренгу! Готовиться к залпу!

Видно, в лагере не было лучников. Никто не стал строиться в шеренгу.

– Лучники! Ко мне! – надрывался рыбацкий старшина.

Я посмотрел на Рату. На ее лук и колчан. Подхватил с приямой травы оружие и кинулся к старшине. Волчонок с готовностью захотел последовать следом и поиграть, но я прикрикнул:

– Место! Охраняй Рату, – и зверь послушался, жалобно поскуливая, переминаясь с лапы на лапу, нехотя сел, подчиняясь команде.

Пока я добежал до старшины, к нему еще трое подтянулись. Пока натягивал тетиву на лук, сгибая концы, и втыкал стрелы перед собой, еще семеро. Когда старшина скомандовал:

– Приготовиться к залпу! – я за эти слова успел выпустить три стрелы одну за другой в сторону леса и виновато посмот-

рел на командира, натягивая снова тетиву. Тот укоризненно покачал головой.

– Залп!

Стреляли рыбаки необычно. Зажимали стрелы короткие, оттягивали луки. Суетились много. Когда снова залп скомандовали, я опять три раза успел выстрелить, ополовинив колчан. В лесу свирепо заревели. Ветер зашумел, принося в порыве листву жухлую, да большой шипастый камень. Сосед справа отлетел метра на три назад, да и не поднялся больше. Зря оглянулся посмотреть на него. Теперь руки дрожали, а лук в руках жил самостоятельной жизнью. Тетива же никак не хотела натягиваться.

Снова рев. Ближе намного.

– В кучу сбиваемся! Щиты вперед! Берем на копья. Все под защиту лучников!

Последняя фраза старшины подействовала на многих особенно хорошо. Хотя, какая защита? Я до сих пор не мог лук натянуть, а вон тот парень, настрелявшись, сел, лук бросив, голову обхватив. А на того, что улетел, поймав камень, и вообще смотреть не хотелось.

– Залп! Лучники, залп!

В этот раз стреляли без меня. Впрочем, никто и не заметил. Слабый залп. Одно название. Впереди меня образовалась шеренга. Мужики стояли плотно, сбив, щиты и выставив копья. От напряженных потных спин поднимался пар, воздух искажался.

– Держать строй! Держать! – кричал старшина, багровея от натуги. Прилетел очередной каменный шар и сбил с ног сразу троих. Укатал мужиков в посеревшей от грязи осоке. Поиграл до хруста человеческих костей. Гулко стукнул в телеги за спиной. Ишь, как далеко укатился. Поднялись обратно в строй только двое. Помятые, виноватые, злые. На товарищей не смотрели. Рыбаки заперезживали, загомонили, стали озираться.

Волчонок звонко тьякнул, привлекая внимание, в тот момент, когда время остановилось и наступила тишина. Я быстро посмотрел на него, а потом в направлении той точки, куда он вытягивался. Руки машинально натянули лук. Стрела смотрела прямо поверх голов рыбаков, на подводу.

Сердце медленно стукнуло. Кровь в венах загустела, оставиваясь. Мир побагровел.

– Залп! – закричал старшина в другом мире. Обостренный слух услышал хлопанье тетивы. Одна за другой улетали стрелы. Свистели гусиные оперенья. Мужские голоса слились в тихий гул. Коротко взвизгнул щенок, восстанавливая ход времени. В прицеле повозка дернулась, и я выстрелил.

2.3

Моя цель, огромный человек с бычьей головой и крутыми рогами, запрыгнул на телегу. Посмотрел большими красными глазами на воткнувшуюся в панцирь предплечья стре-

лу, с негодованием отломал ее и шумно выдохнул, глядя на сразу засуетившихся в шеренге рыбаков. Мужики, сбившись плотнее, сделали шаг назад и оцетинились копьями. Гомон голосов спадал. Лица сосредоточены и серьезны.

– Держать строй, – закричал, надрываясь, старшина. Пот большими каплями катился по его лицу. Рыжая бороденка быстро намокала, темнея. – Он один!

Минотавр, раскинув руки с огромными топорами, утробно заревел, глядя в небо. Все струхнули. У меня сам собой выпал из мокрых ладоней лук, и я зашарил по телу, не понимая зачем. Губы мелко задрожали, в ухе зазвенело, а правое колено, дернувшись, подогнулось. Лошадь, запряженная в телегу, испуганно дернулась, и минотавр сильно качнулся, чуть не упав. Его рев оборвался. Шумно выдохнув, человек-бык, взмахнул двумя топорами, первым ударом отрубая лошади заднюю ногу, вторым – перешибая крестец. А чтоб больше не дергалась – понял я.

– Лучники, залп! – закричал побелевший старшина. Его голос привел меня в чувство. Я посмотрел на землю, куда упал лук, и увидел, как рыбаки, отшатнувшись еще назад, топчут оружие ногами. В минотавра полетели стрелы. Три попали и он, недовольно заворчав, снова посмотрел на шеренгу ополченцев, забыв о лошади. Ноздри свирепого воина шумно раздулись несколько раз. Большие губы причмокнули и растянулись в улыбке. С лезвия топора соскользнула в примятую зеленую траву густая капля крови. Я вспомнил о

своим оружием и потянул из петли топор.

Минотавр оттолкнулся копытами от шатких досок дна телеги и завис в прыжке над шеренгой, пойманный остановившимся временем. Вечернее солнце блеснуло в отточенных лезвиях, отражаясь дважды яркими вспышками. То, что творилось со временем, играло мне на руку – я кубарем откатился из задних рядов, под дикий вопль рыбацкого старшины:

– Копьями бей! – минотавр упал, отмахнулся от полетевших в него палок и свирепо замахал своими топорами, с хрустом разрубая людей, их щиты и доспехи. Рыбаки, панически крича, стали разбегаться, но не у всех получалось далеко уйти. Меткие удары минотавра настигали людей, и он уже не суетился, работая молча и сноровисто, не тратя зря силу. Так, чтобы на всех хватило.

Лошади обезумев от запаха свежей крови, ржали и рвались из кольца телег, путаясь в вожжах и веревках, падая и дико взбрыкивая.

Я лежал на земле, прижимая топор к груди. Перед глазами мелькало синее копыто, оставляя во влажном грунте ровные следы. Оно то приближалось, то отдалялось, и, когда в очередной раз отвернуло от меня хозяина, я медленно поднялся и подло ударил со спины, целясь в открытый хребет воина.

– На! – отчаянно закричал я.

И надо же – не попал. Волосатая спина, острые столбы позвоночника были столь близки, и я все равно не сумел по-

пасть. От отчаяния я заплакал.

Не учел тяжесть своего топора. Сделанный замах был силен. Лезвие скользнуло по ноге зверя и ударилось под колено, человек-бык, как раз согнул ногу для очередного толчка, собираясь прыгнуть, и железо глубоко зарылось в его тело. Минотавр утробно заревел. Чувствуя, как топор, уходит в икру врага, с силой выдернул оружие и, не удержавшись, кубарем откатился назад. Это спасло мне жизнь. Воин взмахнул своими топорами назад, имея твердое желание, уничтожить обидчика. Железо со свистом рассекло воздух. Минотавр упал на поврежденную согнутую ногу и снова свирепо заревел, пугая обезумевших лошадей.

Я медленно отползал, скользя по земле в луже темной крови. Руки беспомощно загребали осклизлую траву, гоня густые волны, а ноги никак не могли как следует оттолкнуться. Я пропал. Я застрял во времени навсегда. Прощай, мама. Покойся с миром, Прохор. А ты, Олечка, не плачь – будет тебе счастье, посмотришь, обязательно будет. Но без меня. Егорка! Ползи! Ползи без остановки.

Налитые кровью глаза быка в упор принялись разглядывать меня. Голова наклонилась. Жесткая щетина между рогов стала дыбом, а верхняя губа поднялась, оскаливая клыки. Минотавр перехватил свой топор для смертельного броска и внезапно резко повел головой, вопрошающе вскрикивая.

Я тоже не сразу понял, что произошло – воин остервенело

махал головой, а когда затих и, отпустив топор, потянулся к голове, то увидел, как с уха гиганта мохнатой серьгой свисает мой волчонок.

– Беги, – прошептал я одеревеневшими губами. Повторять не пришлось, волчонок, моментально перестав злобно рычать и рвать ухо врага, отпустил мохнатый мясистый хрящ и соскользнул за спину быка.

Если волки умеют бегать сломя голову, то это именно то именно на это походило отступление щенка.

Минотавр поймал себя за истерзанное ухо и утробно заревел в очередной раз. Его ненависть не знала границ.

– Лучники, залп! Копьями бей! – закричал неугомонный старшина и в одиночку, с копьем наперевес, побежал на поверженного быка-воина. Тот хитро взмахнул топорами, повторяя вращение лопастей мельницы, и старшина был перерублен на две части.

Не сумел добежать.

Минотавр противно хмыкнул, поворачиваясь к месту, где я барахтался, и самоуверенная улыбка сползла с его лица. Понимаю его разочарование. Конечно, меня там уже не было.

Секунды мне хватило, чтобы откатится к своей телеге, крепко схватить Рату за руку и проползти под высоким днищем. На второй секунде мы уже бежали к лесу, а вслед нам дико ревел минотавр. Рядом прыгал Волк, смешно поднимая зад. Белая морда перепачкана в крови.

- Старшину убили!
- Светлого Бромвеля убили!
- Смерть! Отомстим!

Минотавр снова заревел, но как-то уже по-другому. Я оглянулся. Надо же, думал, всех рыбаков перебили. Выходит, ошибся: минотавра забивало человек двадцать.

Волчонок громко взвизгнул и резко изменил траекторию бега, первым юркнув в глубокий овраг. Я моментально последовал за ним, на ходу успевая увидеть, как из леса медленно выходят минотавры. Успели заметить? Но что мы для них? Все, как один они смотрели в сторону разбитого лагеря, где рыбаки добивали их уже хрипевшего при смерти брата.

Глава 3

По дну оврага ручеек струился, чахлый совсем, практически невидимый, однако Рата бежала именно по нему, разбрызгивая вокруг искрящиеся капли воды. Я продолжал цепко держать ее за руку и уже не раз спасал девушку от падения. Волчонок, ловко прыгая через завалы веток и мусора, трусил впереди, часто оборачиваясь назад, взглядом подбадривая не снижать скорости бега. Алый язык вывалился набок, а белые бока совсем потемнели от грязи.

Иногда я поднимал голову вверх, пытаюсь увидеть опасность, но ничего, кроме ползучего кустарника и длинных свисающих ветвей, не мог разглядеть. Насыщенная зелень скрадывала тень. Густая листва дарила прохладу и глушила звуки. В обрывке голубого неба вилась кругами лесная пичужка и каждый раз при очередном осмотре верха оврага, когда я видел ее снова и снова, создавалось ощущение повтора.

Рата стала дергаться, пытаюсь освободить руку. Пальцы мои заскользили по гладкой коже.

– Что еще?

– Пусти! Я больше не могу! Я сейчас упаду!

Она сделала то, что обещала, шумно упав в воду, вырвав из моих тисков руку, как и хотела. Настырная. Гордая. Независимая. И к чему привело? Теперь стояла на четвереньках

в ручейке, руки почти по плечо в воде, бедра до паха залиты – нашла же самое глубокое место. Плащ девушки быстро намокал, тяжелея на глазах. Капюшон съехал, коса медленно раскрутилась и упала в воду, словно девушка на нее порыбачить решила. Я вздохнул, половчее перехватывая в две руки огрызок топора, и беспокойно зашарил взглядом по верху оврага – как бы на нас самих не решил кто-нибудь порыбачить. Неслышно подошел Волк, стал у заводи, изумленно рассматривая раскорячившуюся Рату, полакал воду из ее лужи, оценивая качество, облизнулся и с сомнением посмотрел на меня. Я пожал плечом, сам мало что понимая, продолжая осматривать ближайшие кусты. Ноги же были готовы сорваться в бег.

– Надо бежать, – почему-то шепотом сказал я. Щенок тьякнул и с готовностью развернулся на месте, предлагая сторону, в которой надо спешно двигаться. Рата тоже разобрала неслышные слова. Поморщилась. Тяжело села, уперев руки в дно. Вытянула ноги. Беспомощно посмотрела на меня. Подняла правую ногу, из короткого сапога полилась вода. Мы посмотрели на это извержение, потом девушка снова опустила ногу в свою заводь. Наверное, решила повторить.

– Беги. Я не могу. Да и куда бежать? Они повсюду. Мы все равно умрем. Какая разница сейчас или часом позже?

– Разница есть, – упрямо зашептал я и махнул топором – тяжелый, сил нет держать, – надо дойти до дружины. Они же в поле. В тылу отряд минотавров. Надо предупредить.

– Там папа! – оживилась Рата. Я кивнул и предложил, пользуясь моментом:

– Бежим? Скажем папе?

– Я не могу! Я устала, как ты не понимаешь?! Давай ты один сбегашь?

«Давай!» – чуть не сорвалось с губ, но я снова упрямо замотал головой.

– Вместе надо. Я твоего папку не помню в лицо. Забыл. Могу спутать, – соврал я, хотя такого мужественного и благородного человека, трудно было забыть – выглядел он явно лучше моего батяни. Хотя нет. Спорный вопрос. Батяня был больше и сильнее, и это факт. С ножом против минотавра. На такое не каждый отважится.

– Растяпа, – устало выдохнула Рата, – подвел в такой неподходящий момент.

– Ага, – легко согласился я. Она вытащила руку из воды и вытерла слезы на лице. Покривилась от результата.

– Бежим, – напомнил я. Волчонок заворчал, оскалился, прижал уши, припал к земле, смотря вверх. Я вытянул руку, призывая Рату замереть и перестать подниматься из воды и она, повинувшись, изогнулась в странной позе, выставив руку к небу. Тело задрожало. Надолго девушки не хватило, и, когда она уже была готова упасть назад в запруду, я успел схватить ее за руку, и сильно потянуть на себя.

– Бежим, – закричала Рата. – Бежим!

Она первой сорвалась с места и возглавила наш малень-

кий отряд. Вода гулко хлопала в ее коротких сапогах. Я машинально сделал пару шагов, ожидая камнепада сверху и свирепой атаки безжалостных монстров, и увидел рядом с собой медленно прыгающего волчонка. Щенок беззаботно клацал зубами, ловя мошку. Уловив мой взгляд, замер, склонил голову и оскалился в добродушной волчьей улыбке.

– Узнает – прибьет. Нельзя так над человеком издеваться.

Волчонок клацнул челюстями, поймал мошку, потом медленно разжал капкан, выпуская ее на волю, и снова оскалился в улыбке.

На его мохнатой морде виноватого выражения совсем не было.

3.1

Из леса мы так и не вышли. Услышали бой на поле: лязг железа, вопли людей, ржание лошадей, свирепые рыки гуманоидных быков и спрятались под елкой, укрываясь в ее колючих ветках. Тот еще схрон, но другого не было. Лежали ничком, тесно прижавшись, друг к другу, накрывшись мокрым плащом, и выли от страха и холода.

– Папенька! Папенька! – сквозь слезы вскрикивала Рата. Волк от страха семенил тогда лапами, больно царапая бок, порываясь бежать на розыски родственника, но, сдастся мне, просто хотел убежать, оставив нас одних. Потому что и у меня желание такое же имелось: она же на ухо мне кричала,

заставляя вздрагивать и ежиться, переживать вновь и вновь свою беспомощность.

Знал я точно – вот и Рата теперь сирота. Без отца так точно.

К вечеру, когда начало смеркаться, шум боя стал затихать. Редко лязгало оружие, зловеще тихо становилось. Людей не слышно, только быки иногда торжественно кричат. Чего уж тут непонятного. Проиграли, в общем.

Люди – они до последнего бились, потому что уйти им некуда было. Может, помощи ждали от обозников – на них же вся надежда всегда, но, скорее, нет. Я, когда в разведку пополз, благо Рата затихла, уснув наконец со щенком, – пригрелись оба, понял, что к чему. Наши – они правильно бились: дружиной с лобовой атакой, с маневрами конницы с флангов. Минотавры не такие оказались. Дрались без правил, прыгали, куда хотели, сеяли вокруг себя смерть. Сначала дружину на части разбили, на островки сопротивления, потом и коннице досталось – никто не ушел. В островках кто посильнее оказался – тот дольше продержался. Там и минотавров больше лежало.

Конец же у всех одинаковый был – бесславный и без победы, но умерли как герои. Быстро, правда. Полдня и нет дружины. Будто и не собирали ее всем миром. Я вздохнул, хотел обратно к елке уползти, но вздрогнул – рядом лежали Рата и Волк. У девушки губы беззвучно кривились, слез больше не было. Так и остались мы дальше лежать. Смотреть

на побоище и на то, как минотавры с факелами ходят, рубят тела воинов да лошадей, куски мяса уносят, сваливают в большую кучу. Не понятно для чего. Холм рос, превращаясь в огромную гору. Рядом зажигались костры. Чадили трупы, горящие в них. Оранжевое пламя лизало черное небо. Быки пели мрачные песни, стучали в барабаны из свежих человеческих кож, водили хороводы, ели мясо. Праздновали победу как могли. Потом главный их появился. Очень большой и страшный. На поясе дюжина человеческих черепов. На спине, не поймешь, то ли плащ меховой развевается, то ли шерсть длинная. Долго забирался на кучу, вокруг себя разбрызгивал, разбрасывал нечто. Поднявшись, в вершину горы жезл воткнул. Таких внушительных размеров, что я думал, он дерево посадил. Так он и стоял, раскинув руки над полем, а потом рывкнул коротко и из дерева-жезла корни, искрящие да светящиеся ослепительно белым цветом, полезли. Сначала тонкие щупальца оплетали куски мяса, затем уже как канаты становились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.